

Научные исследования преступления и наказания

№ 1 (5) 2026

Scientific Crime and Punishment Research Journal

SCRIPJournal.ru

сетевой научно-практический журнал

Учредитель: Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.

Главный редактор:
доктор юридических наук
профессор **Шкабин Г.С**

номер подписан в печать: 30.03.2026

Редакционный совет

Заместитель председателя редакционного совета

Шкабин Геннадий Сергеевич	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Shkabin Gennadiy S.	Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Члены редакционного совета

Акимжанов Талгат Курманович Akimzhanov Talgat K.	директор Научно-исследовательского института права при Университете «Туран», доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан, Алматы) Director of the Research Institute of Law at Turan University, Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan, Almaty)
Акчурин Александр Владимирович Akchurin Alexander V.	заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань) Deputy Head of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia for Research, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Ryazan)
Бавсун Максим Викторович Bavsun Maksim V.	заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург) Deputy Head of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for research work), Doctor of Law, Professor (Russia, St. Petersburg)
Бачила Владимир Владимирович Bachila Vladimir V.	профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь, Минск) Professor of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Гирько Сергей Иванович Girko Sergey I.	исполняющий обязанности директора ЦИПБ РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва) Acting Director of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Луговик Виктор Федорович профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Омск)
Lugovik Victor F. Professor of the Department of Operational-Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Omsk)

Мацкевич Игорь Михайлович ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)
Matskevich Igor M. Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, State Counselor of Justice of the 3rd class, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Милюков Сергей Федорович профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Milyukov Sergei F. Professor of the Department of Criminal Law The Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Law, Professor

Михайлов Валентин Иванович главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судостроительства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)
Mikhaylov Valentin I. Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Legislation, and Judicial System at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Некрасов Василий Николаевич заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (Россия, Вологда)
Nekrasov Vasilii N. Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia for Academic Affairs, Doctor of Law (Russia, Vologda)

Овчинский Владимир Семенович советник Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва)
Ovchinskiy Vladimir S. Advisor to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Румянцев Николай Викторович главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Rumyantsev Nikolai V. Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Селиверстов Вячеслав Иванович профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва)
Seliverstov Vyacheslav I. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Уткин Владимир Александрович заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Томск)
Utkin Vladimir A. Head of the Department of Criminal-Executive Law and Criminology of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Tomsk)

Шабанов Вячеслав Борисович заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Shabanov Vyacheslav B. Head of the Department of Forensic Science at the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Главный редактор

Шкабин Геннадий Сергеевич главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Shkabin Gennadiy S. Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Ответственный секретарь

Прихожая Людмила Евгеньевна
Prikhodzaya Lyudmila E.
ведущий научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук (Россия, Москва)
Leading Researcher at the Center for Research of Security Issues in Penitentiary Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences (Russia, Moscow)

Члены редакционной коллегии

Борков Виктор Николаевич
Borkov Viktor N.
начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Head of the Department of Criminal Law of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Omsk)

Васильев Эдуард Анатольевич
Vasiliev Eduard A.
главный научный сотрудник центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for the Study of Problems of Combating Crime in the Economic Sphere of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)

Григорьев Виктор Николаевич
Grigoriev Viktor N.
ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Leading researcher of the group for training scientific, pedagogical and scientific personnel of the office of the scientific secretary of the postgraduate and doctoral programs of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Гришко Александр Яковлевич
Grishko Alexander Ya.
профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at S.A. Yesenin Ryazan State University, Doctor of Law, Professor (Russia, Ryazan)

Грушин Федор Владимирович
Grushin Fedor V.
главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for the Study of Management and Organization of Punishment Execution in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)

Дмитренко Андрей Петрович
Dmitrenko Andrey P.
профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Professor of the Department of Criminal Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Дворянсков Иван Владимирович
Dvoryanskov Ivan V.
главный научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for the Study of Criminal Sentence Execution Issues and Psychological Support for the Professional Activities of Penitentiary System Employees at the Federal Penitentiary Service Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Кудрявцев Алексей Вадимович
Kudryavtsev Alexey V.
декан юридического факультета Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Dean of the Faculty of Law of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Vladimir)

Кунц Елена Владимировна
Kuntz Elena V.
главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)

Лесников Геннадий Юрьевич Lesnikov Gennady Yu.	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Никонович Сергей Леонидович Nikonovich Sergey L.	заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Head of the Department of Criminal Procedure at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Омелин Виктор Николаевич Omelin Viktor N.	главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for Research on Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Павличенко Николай Владимирович Pavlichenko Nikolay V.	профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва) Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, Moscow)
Плешаков Александр Михайлович Pleshakov Alexander M.	главный научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Chief Researcher at the Center for the Study of Management and Organization of Punishment Execution in the Penitentiary System of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Ростокинский Александр Владимирович Rostokinskiy Alexander V.	профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва) Professor of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Associate Professor (Russia, Moscow)
Сумачев Алексей Витальевич Sumachev Alexey V.	профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Россия, Тюмень) Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of State and Law of Tyumen State University, Doctor of Law, Professor (Russia, Tyumen)
Чистяков Алексей Алексеевич Chistyakov Alexey A.	профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва) Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Law, Professor (Russia, Moscow)
Шурухнов Николай Григорьевич Shuruhnov Nikolay G.	доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России (Россия, Москва) Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, Group for the Training of Scientific, Pedagogical, and Scientific Personnel, Office of the Academic Secretary of the Postgraduate and Doctoral Studies, Federal State Budgetary Institution, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Содержание

Уголовное право и криминология

Меркурьев В.В., Тараканов И.А.	Необходимая оборона: особенности оборонительных действий от посягательств, совершаемых в соучастии	6
Никуленко А.В., Смирнов М.А.	Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении силы и оружия: пределы уголовной ответственности	15
Тепляшин П.В.	Ликвидация «безопасных гаваней» как стратегический приоритет внешней политики России в противодействии транснациональной наркопреступности	27

Уголовно-исполнительное право

Селиверстов В.И., Грушин Ф.В.	Обеспечение социализации совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы, в контексте правил Нельсона Манделы	34
Храмов А.А.	Доктринальная неопределенность институтов уголовно-исполнительного права в судебной практике: от терминологической многозначности к системным противоречиям	41
Царева Е.А.	Особенности применения средств исправления в отношении осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, содержащихся в колонии-поселении	47

Оперативно-разыскная деятельность*

Пантюхин К.Ю., Овечкин Е.В.	Дифференциация выявления и документирования преступлений в сфере алкогольного рынка: методологические основания и практическая значимость	53

Рецензии, отзывы

Милюков С.Ф.	Отзыв официального оппонента на диссертацию Советовой Марии Витальевны на тему «Реабилитация нацизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки	62

---

* Поскольку современная орфографическая норма русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, фиксируемая в нормативных словарях, предписывает написание «разыскной», а Федеральный закон № 144-ФЗ закрепляет термин «оперативно-розыскной», возникает двойственность. Анализ различных нормативных актов показывает частое использование обоих вариантов. Ввиду этого конфликта между утвержденной языковой нормой и неоднозначной правовой терминологией, редакция журнала допускает использование любого из вариантов, следуя написанию, принятому автором.

Меркурьев Виктор Викторович

главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Москва
Российская Федерация

Merkuryev Victor V.

Chief Researcher of the Department of Scientific Support for Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in the field of federal security, Interethnic Relations and Countering Extremism at the Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Moscow
Russian Federation

✉ merkuriev-vui@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 3506-4571
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

Статья поступила
в редакцию:
30.01.2026

одобрена после
рецензирования
26.03.2026

принята
к публикации
27.03.2026

Тараканов Илья Александрович

доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Владимир
Российская Федерация

Tarakanov Ilya A.

Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor

Vladimir
Russian Federation

✉ il8@list.ru
SPIN-код (РИНЦ) 6186-7514
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

УДК 343.228

**Необходимая оборона: особенности оборонительных действий
от посягательств, совершаемых в соучастии**

**Necessary defense: features of defensive actions against encroachments
committed in complicity**

Аннотация. Актуальность. Право на необходимую оборону подразумевает возможность активной защиты от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему лицу. Однако такое посягательство может осуществляться не одним, а двумя или более лицами, объединяющими свои усилия и действующими в рамках реализации единого умысла. При этом указанные лица могут выступать не только в качестве исполнителей, непосредственно совершающих нападение, но и других видов соучастников. В связи с изложенным представляет интерес анализ особенностей оборонительных действий от посягательств, совершаемых в соучастии.

Целью статьи является исследование особенностей уголовно-правовой оценки оборонительных действий от общественно опасных посягательств, совершаемых в соучастии, для достижения которой авторами осуществлен анализ положений статьи 37 УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», а также мнения ученых по поводу общественной опасности действий различных видов соучастников преступления и влияния их на достижение общего преступного результата.

Выводы. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что причинение вреда лицам, совершающим посягательство в соучастии, является правомерным при наличии следующих условий: действия соучастника представляют опасность для обороняющегося или других лиц; вред

соучастнику причиняется непосредственно в момент совершения таких действий; причиненный вред направлен на пресечение и отражение общественно опасного посягательства или затруднение его совершения. Из этого следует, что причинение вреда оборонительными действиями допустимо в отношении лиц, совершающих общественно опасное посягательство в соучастии, при этом не только непосредственно осуществляющих нападение, но и выполняющих организаторские или пособнические функции.

Ключевые слова: необходимая оборона, причинение вреда, посягающий, обороняющийся, соучастие, оборонительные действия, исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник.

Annotation. Relevance. The right to necessary defense implies the possibility of active protection from a socially dangerous encroachment by harming an encroaching person. However, such an encroachment may be carried out not by one, but by two or more persons combining their efforts and acting within the framework of the realization of a single intent. At the same time, these persons may act not only as perpetrators of the attack itself, but also as other types of accomplices. In connection with the above, it is of interest to analyze the features of defensive actions against encroachments committed in complicity.

The purpose of the article is to study the features of the criminal law assessment of defensive actions against socially dangerous assaults committed in complicity, for which the authors analyzed the provisions of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation and Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012 No. 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and harm during the detention of a person who committed a crime." as well as the opinions of scientists about the social danger of the actions of various types of accomplices in crime and their impact on achieving a common criminal result.

Conclusions. As a result of the conducted research, it was concluded that harming persons who commit an encroachment in complicity is lawful if the following conditions are met: the actions of an accomplice pose a danger to the defender or other persons; harm to an accomplice is caused immediately at the time of such actions; the harm caused is aimed at suppressing and repelling a socially dangerous encroachment or making it more difficult to commit it. It follows from this that the infliction of harm by defensive actions is permissible in relation to persons who commit a socially dangerous encroachment in complicity, while not only directly carrying out the attack, but also performing organizational or aiding functions.

Keywords: necessary defense, causing harm, encroaching, defending, complicity, defensive actions, performer, organizer, instigator, accomplice.

Для цитирования: Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Необходимая оборона: особенности оборонительных действий от посягательств, совершаемых в соучастии // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 6–14.

For citation: Merkur'yev Victor V., Tarakanov Ilya A. Necessary defense: features of defensive actions against encroachments committed in complicity // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 6–14.

Введение. Право на необходимую оборону, принадлежащее каждому человеку без какого-либо исключения, подразумевает возможность активной защиты от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему лицу. Именно поэтому ситуация «посягательство-защита» традиционно рассматривается как противостояние между обороняющимся и посягающим. Правомерность причинения вреда при таком противостоянии оценивается с учетом ряда условий, предъявляемых как к посягательству, так и к оборонительным действиям.

Следует учесть, что общественно опасное посягательство может осуществляться не одним, а двумя или более лицами. Посягающие могут объединять свои усилия, действуя в рамках реализации единого умысла. Фактически речь идет о соучастии, под которым, согласно статье 32 УК РФ, понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Обсуждение и результаты. Общественная опасность такого посягательства, без сомнения, возрастает. Следовательно, расширяются пределы причинения вреда, который

можно правомерно причинить посягающим лицам с целью пресечения их совместных действий. При этом возникает возможность причинения такого вреда любому из посягающих независимо от того, чьи действия являются более опасными. Об этом упоминается в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹: «При посягательстве нескольких лиц обороняющееся лицо вправе применить к любому из посягающих такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью действий всей группы».

Тем не менее, как отмечает Ю.А. Власов, представляется весьма непростой оценка степени опасности при совершении групповых насильственных посягательств [1, с. 19]. В качестве обоснования он обращается к материалам уголовных дел.

Так, Шпаковский районный суд Ставропольского края признал подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 статьей 108 УК РФ. Как было установлено судом, подсудимый, находясь на открытом участке местности рядом с кафе, вступил в конфликт с П.М.Л., в ходе которого последний совместно со своим знакомым Н.А.В. нанес подсудимому не менее 13 ударов руками по голове и туловищу, причинив тем самым легкий вред здоровью. С целью избежания конфликта подсудимый проследовал в помещение кафе. П.М.Л. проследовал за ним, высказывая угрозы убийством. Подсудимый, желая пресечь противоправные действия П.М.Л., сопряженные с применением им насилия, опасного для здоровья, осознавая безысходность ситуации и невозможность бежать от П.М.Л., опасаясь продолжения с его стороны активных действий, видя агрессивное поведение находившегося в состоянии алкогольного опьянения П.М.Л., и защищаясь от последнего, подыскал в помещении кафе нож, и используя его в качестве оружия, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде наступления смерти П.М.Л. и желая наступления таких последствий, явно превышая пределы необходимой обороны, осознавая, что его действия явно не соответствуют характеру и опасности посягательства со стороны П.М.Л., нанес ему не менее одного удара острием клинка ножа в левое плечо и не менее одного удара в область расположения жизненно важных органов – грудь, причинив повреждения, в результате которых П.М.Л. впоследствии скончался в больнице.

В своих показаниях подсудимый пояснил, что после того, как он забежал в помещение кафе, следом зашли П.М.Л. и ранее знакомый ему мужчина А., которые стали наносить ему удары руками и ногами по голове и телу, а А. также схватил стул и стал наносить им удары. В этот момент подсудимый увидел в подставке для ножей нож для нарезки хлеба, схватил его и стал им размахивать, нанеся при этом П.М.Л. удар ножом в левый бок, после чего П.М.Л. схватился за бок и стал выходить на улицу. А. же продолжал наносить подсудимому удары стулом по различным частям тела и голове. Подсудимому удалось захлопнуть перед ним дверь, ведущую в зал кафе, после чего он покинул помещение кафе через запасной выход².

Анализируя указанный приговор, Ю.А. Власов отмечает, что в действиях потерпевшего и второго лица усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 статьи 115 УК РФ, которые не получили никакой юридической оценки [1, с. 19].

---

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 // Российская газета. № 227. 03.10.2012.

² Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 08.12.2019 по делу № 1-303/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : [сайт]. URL: //sudact.ru/regular/doc/mOdP5kSLhel1m/ (дата обращения: 30.01.2026).

© Меркурьев В.В., Тараканов И.А.

Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга признал подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 статьи 108 УК РФ. Как было установлено судом, подсудимый подвергся нападению со стороны К., который неоднократно высказал угрозы физической расправы и нанес не менее одного удара кулаком по лицу подсудимого, и В., который после нанесения этого удара обхватил подсудимого за пояс для осуществления его броска на асфальт. Подсудимый, исходя из сложившейся обстановки и численного превосходства нападавших, расценил нападение на него как опасное для жизни и здоровья, и с целью защиты от посягательства извлек из одежды нож, который находился при нем, и вооружился им. После этого подсудимый, не превышая пределов необходимой обороны, действуя умышленно, используя в качестве орудия нож, осознавая, что его действия соответствуют характеру и опасности посягательства со стороны К., нанес К. удар указанным ножом в область шеи, причинив ему колотое ранение. В результате чего К. прекратил общественно-опасное посягательство. Тем временем В., несмотря на оказанное подсудимым сопротивление, продолжил удерживать его, обхватив его за пояс. Подсудимый, превышая пределы необходимой обороны, действуя умышленно, используя в качестве орудия нож, осознавая, что его действия явно не соответствуют характеру и опасности посягательства со стороны В., нанес ему не менее двух ударов указанным ножом в область спины, причинив повреждения, в результате которых В. скончался на месте происшествия¹.

Анализируя решение суда, Ю.А. Власов отмечает, что суд, вынося обвинительный приговор, не принимал во внимание то, что общественно опасное посягательство совершалось группой лиц в отношении одного обороняющегося. Оба нападавших при посягательстве вели себя активно, их действия носили совместный характер, что давало право обороняться любыми способами и средствами [1, с. 19].

В связи с изложенным представляет интерес анализ особенностей оборонительных действий от посягательств, совершаемых в соучастии. Для этого следует обратиться к видам соучастников. Согласно части 1 статьи 33 УК РФ к ним относятся исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник.

Согласно ч. 2 статьи 33 УК РФ исполнителем признается лицо:

- 1) непосредственно совершившее преступление;
- 2) непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями);
- 3) совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ.

Как отмечает А.В. Шеслер, исполнитель является ключевой фигурой в том смысле, что в его деянии воплощаются результаты усилий других соучастников. Действующий уголовный закон выделяет три вида исполнителей преступления, которые в доктрине уголовного права получили наименования собственно исполнителя преступления, соисполнителя преступления, посредственного причинителя преступного вреда [2, с. 72].

Не вызывает сомнений то, что можно причинять вред оборонительными действиями лицу, непосредственно совершающему общественно опасное посягательство. Также правомерным будет причинение вреда соисполнителям, при этом независимо от того, привели бы исключительно их действия к достижению преступного результата, охватываемого умыслом других соучастников. В частности, об общественной опасности действий соисполнителей упоминается в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской

¹ Приговор Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 10.11.2019 по делу № 1-653/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации : [сайт]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/wvuKIUPy6KbL/](http://sudact.ru/regular/doc/wvuKIUPy6KbL/) (дата обращения: 30.01.2026).

© Меркурьев В.В., Тараканов И.А.

Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)»¹, согласно которому для признания убийства совершенным группой лиц не является обязательным, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из лиц, непосредственно участвовавших в процессе лишения жизни потерпевшего (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения).

Что же касается третьего вида исполнителя, под которым понимается посредственный причинитель преступного вреда, то следует признать довольно сомнительной возможность причинения ему вреда при необходимой обороне. Лицо, использовавшее для совершения преступления малолетнего или невменяемого, непосредственно не совершает общественно опасного посягательства. Следовательно, причинение ему вреда не сможет отразить и пресечь такое посягательство. Поэтому в подобной ситуации обороняться допустимо лишь от нападающего лица, несмотря на то, что фактически он выступает своеобразным «живым орудием» посягательства со стороны другого лица. Анализируя сущность посредственного причинения вреда, Д.А. Мелешко отмечает, что такое причинение в уголовном праве представляет собой юридическую фикцию, с помощью которой правоприменителю удастся обойти один из акцессорных изъянов учения о соучастии и квалифицировать деяние единственного субъекта преступления, внешне напоминающее действия организатора или подстрекателя, но не являющееся таковым, как деяние исполнителя преступления [3, с. 59].

Однако, если посредственный причинитель преступного вреда находится рядом с «живым орудием» посягательства, контролирует его поведение и руководит им, ситуация меняется. Представляется правомерным причинение вреда такому лицу в случае, если такое причинение позволит остановить уже совершающееся посягательство или устранить угрозу его совершения. В частности, такое возможно, если невменяемое лицо, перестав слышать команды от посредственного причинителя, прекратило свои действия. Аналогично обстоит дело в случае, когда малолетний, деморализованный причинением вреда посредственному причинителю, отказывается от продолжения общественно опасного посягательства.

Однако следует вспомнить, что к видам соучастников, помимо исполнителя, относятся также организатор, подстрекатель и пособник. Очевидно, что они также могут принимать участие в посягательстве.

Однако, как отмечает Ю.А. Клименко, перечисленные виды соучастников играют вспомогательные роли, не выполняют объективную сторону состава преступления, и вменить им статью Особенной части УК РФ саму по себе нельзя – там не указаны совершенные лично ими деяния, вследствие чего для обоснования их ответственности требуется дополнительно сослаться на конкретную норму Общей части УК РФ, где раскрываются объективные признаки состава совершенного ими посягательства (организация, подстрекательство или пособничество преступлению – ч.ч. 3, 4 и 5 статьи 33 УК РФ) [4, с. 115]. Сходного мнения придерживается К.В. Ображиев, отмечая, что с точки зрения высшей судебной инстанции, организатор, подстрекатель и пособник не могут считаться «полноценными» соучастниками преступления, поскольку для констатации группового совершения преступления их участия недостаточно, что характерно именно для доктрины акцессорного соучастия [5, с. 40].

Согласно ч. 3 статьи 33 УК РФ организатором признается лицо:

1) организовавшее совершение преступления;

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. № 24. 09.02.1999.
© Меркурьев В.В., Тараканов И.А.

- 2) руководившее его исполнением;
- 3) создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию);
- 4) руководившее организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

Представляется очевидной невозможность оборонительных действий в отношении первой и третьей разновидностей организаторской деятельности. Дело в том, что причинение вреда лицу, уже организовавшему совершение преступления или уже объединившему лиц для совместного совершения преступления в будущем, не будет служить цели пресечения и отражения общественно опасного посягательства ввиду того, что оно не является наличным.

Однако видится вполне правомерным причинение вреда лицу, руководящему совершением преступления. Как отмечает Д.М. Молчанов, от организатора для выполнения этой функции требуется координация действий иных соучастников, но уже в процессе выполнения ими объективной стороны преступления. Варианты участия такого лица в совершении преступления могут быть различны: во-первых, оно может принимать участие в совершении преступления с самого начала выполнения объективной стороны исполнителем или соисполнителями, во-вторых, оно может присоединиться к начавшимся без него действиям исполнителя или соисполнителей, в-третьих, в процессе совершения преступления соисполнитель может начать осуществлять функции организатора по руководству совершением преступления. При этом организатор может становиться своего рода модератором направленности умысла других соучастников, которые, соглашаясь с его волей и подчиняясь ей, могут совершить преступление, изначально не охватывавшееся их умыслом [6, с. 125]. В связи с этим своевременное причинение вреда лицу, выполняющему организаторские функции при совершении посягательства, может деморализовать исполнителя или соисполнителей, заставить их отказаться от дальнейшего его совершения.

Что же касается четвертой формы организаторской деятельности, то следует признать, что сам по себе факт руководства организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) не образует ситуацию общественно опасного посягательства. Тем самым у обороняющегося лица не возникает права на причинение вреда такому организатору в рамках института необходимой обороны. Однако причинить вред такому организатору допустимо с позиций причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (статья 38 УК РФ). Следует вспомнить, что согласно ч. 5 статьи 35 УК РФ лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205⁴, 205⁵, 208, 209, 210, 281³ и 282¹ УК РФ. Следовательно, уже сам факт создания или руководства перечисленными объединениями лиц образует состав преступления.

Согласно ч. 4 статьи 33 УК РФ подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

Следовательно, непосредственно в момент совершения общественно опасного посягательства лицо уже осуществило свои действия по склонению, под которым, как отмечает М.Г. Горенко, следует понимать возбуждение у другого лица решимости совершить преступление, выражающейся в готовности принять и осуществить свое решение [7, с. 13]. Это означает, что причинение вреда такому лицу оборонительными действиями никак не остановит посягательство, совершаемое другим лицом, у которого возник умысел на нападение как результат склонения. Причинять же вред подстрекателю на стадии непосредственного склонения к совершению преступления также представляется недопустимым.

В указанный момент у потенциального исполнителя будущего посягательства происходит лишь формирования умысла на совершение нападения, при этом фактически отсутствует даже угроза применения насилия. По этому поводу Д.А. Янковский отмечает, что под склонением следует понимать внушение какому-либо человеку мысли о желательности, необходимости, потребности, выгоды совершения конкретного правонарушения [8, с. 51]. Вследствие этого причинение вреда подстрекателю или будущему исполнителю не будет признано совершенным в состоянии необходимой обороны, поскольку отсутствует такое важное условие, как наличие посягательства. Следует согласиться с утверждением Д.А. Янковского о том, что подстрекатель в чистом виде занимается лишь интеллектуальной деятельностью и непосредственных действий, направленных на достижение преступного результата, не совершает, оставаясь в стороне от исполнения преступления. Однако без подстрекателя преступление может вообще не состояться, поскольку намерение совершить определенное преступное деяние внушает исполнителю именно подстрекатель [8, с. 54].

Согласно ч. 5 статьи 33 УК РФ пособником признается лицо:

- 1) содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий;
- 2) заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем;
- 3) заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Вторая и третья разновидности пособнической деятельности не наделяют обороняющееся лицо правом на причинение вреда при необходимой обороне. Само по себе данное заранее обещание не представляет общественной опасности непосредственно для оборонявшегося или других лиц. Следовательно, причинение вреда такому пособнику не приведет к пресечению общественно опасного посягательства и, следовательно, не может быть признано обусловленным необходимостью защиты.

По мнению Е.В. Благова, указание на формы пособничества в виде дачи определенных обещаний следует исключить из ч. 5 статьи 33 УК РФ. В качестве обоснования он отмечает, что признаваемые пособничеством обещания относятся к постпреступному поведению. При этом поведение лица после совершения преступления по определению не может быть соучастием в самом преступлении. Получается, что, исходя из статьи 32 УК РФ, любое обещание, названное в ч. 5 статьи 33, даже не является участием в преступлении, что исключает лицо, давшее таковое, из соучастия. Кроме того, обещание, под которым понимается добровольное обязательство что-нибудь сделать, не может обладать общественной опасностью, ибо, с одной стороны, при нем в отношении указанных в ч. 1 статьи 2 УК РФ объектов уголовно-правовой охраны никакого действия не происходит, что, с другой стороны, могло бы происходить при его выполнении [9, с. 118–119].

Однако первая разновидность пособнической деятельности может представлять опасность для обороняющегося или других лиц непосредственно в момент ее осуществления. Речь идет прежде всего о содействии совершению преступления в форме предоставления средств или орудий его совершения. Представляется вполне разумным и логичным не дожидаться, пока пособник передаст исполнителю соответствующее орудие или средство (в качестве которых могут выступать огнестрельное и холодное оружие, предметы, используемые в качестве оружия, взрывные устройства, взрывчатые, отравляющие либо иные вещества и предметы, представляющие опасность для окружающих), а посредством причинения вреда затруднить такое предоставление или сделать его невозможным.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации были признаны пособничеством в совершении убийства действия М., который с соучастником совершил разбойное нападение на потерпевшего Н. Пока соучастник насильно удерживал Н. на полу, М. отыскал в вагончике и передал соучастнику нож со словами «Перережь ему горло», после чего данный соучастник причинил смерть потерпевшему Н.¹ Представляется, что в рассматриваемой ситуации своевременное причинение вреда М. могло бы, если не предотвратить убийство, то хотя бы снизить вероятность его совершения.

Однако при этом следует признать, что причинение вреда пособнику оборонительными действиями будет признано правомерным лишь в том случае, когда целью такого причинения являлось своевременное пресечение содействия, оказываемого лицу, непосредственно осуществляющему общественно опасное посягательство. По данному поводу К.В. Ображиев отмечает, что само по себе присутствие на месте совершения преступления, не связанное с оказанием такого содействия, пособничеством не признается (в этом случае вообще отсутствуют признаки соучастия в преступлении) [5, с. 62].

Выводы. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что причинение вреда лицам, совершающим посягательство в соучастии, является правомерным при наличии следующих условий:

- 1) действия соучастника представляют опасность для обороняющегося или других лиц;
- 2) вред соучастнику причиняется непосредственно в момент совершения таких действий;
- 3) причиненный вред направлен на пресечение и отражение общественно опасного посягательства или затруднение его совершения.

Следовательно, причинение вреда оборонительными действиями допустимо в отношении лиц, совершающих общественно опасное посягательство в соучастии, при этом не только непосредственно осуществляющих нападение, но и выполняющих организаторские или пособнические функции. Исключение составляет лишь подстрекатель – в силу того, что специфика его действий по склонению к совершению общественно опасного посягательства не позволяет своевременно причинить ему вред в целях пресечения таких действий.

Следует согласиться с мнением С.Н. Наумова о том, что каждый из соучастников преступления при взаимодействии не просто выполняет какие-либо действия (бездействует), но и каким-то образом воздействует на ситуацию, когда другое лицо, используя поведение первого, совершает общественно опасное деяние. Поведение каждого из соучастников представляет одну из звеньев цепи, совокупность которых позволяет объединить все звенья – совершить общее для всех преступное деяние [10, с. 126]. Поэтому разорвать такую цепь путем причинения вреда одному из ее звеньев – означает отразить и пресечь общественно опасное посягательство или как минимум затруднить его совершение.

В заключение отметим, что эффективность реализации права на необходимую оборону во многом зависит от объективности и обоснованности оценки правоохранительными органами правомерности действий лица, причинившего вред посягающему при отражении и пресечении его нападения. Справедливое признание таких действий правомерными способно укрепить уверенность граждан в возможности активной защиты. Необоснованное же привлечение к уголовной ответственности, напротив, лишает такой

---

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.02.2014 № 72-АПУ14-3 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).
© Меркурьев В.В., Тараканов И.А.

уверенности, в результате чего граждане не решаются прибегнуть к причинению вреда нападающему, что существенно увеличивает их шансы стать жертвой преступления.

Список используемой литературы

1. Власов Ю.А. Рассмотрение уголовных дел, содержащих признаки необходимой обороны, с участием присяжных заседателей // Российский судья. 2021. № 2. С. 17–23. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-2-17-23 EDN: VHDGBE.
2. Шеслер А.В. Исполнитель преступления // Lex russica. 2016. № 11. С. 71–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.071-076 EDN: XVQAVX.
3. Мелешко Д.А. Посредственное причинение при совершении насильственных действий в отношении начальника (статья 334 УК РФ) // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 8. С. 58–60. EDN: RKXPKL.
4. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 112–121. DOI: 10.12737/article_58e39ece8f5725.38948020 EDN: YJVQJF.
5. Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С. 39–42. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-39-42 EDN: WPSXAF.
6. Молчанов Д.М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 118–133. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.118-133 EDN: IQFYAP.
7. Горенко М.Г. К вопросу о законодательном определении подстрекателя как соучастника преступления // Российский следователь. 2022. № 11. С. 12–14. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-12-14 EDN: BENLDN.
8. Янковский Д.А. Ответственность подстрекателей к преступлению по российскому уголовному законодательству: история и современность // Российский следователь. 2021. № 3. С. 50–54. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-3-50–54 EDN: QTNDJH.
9. Благов Е.В. О понятии соучастника преступления // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 114–123. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.114-123 EDN: MCCCEB.
10. Наумов С.Н. Совместность участия как оценочный признак соучастия в преступлении // Общество и право. 2009. № 3. С. 125–128. EDN: ONONWN.

References

1. Vlasov Yu.A. Consideration of criminal cases containing elements of necessary defense, with the participation of jurors // Rossiyskiy sud. 2021. No. 2. pp. 17–23. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-2-17-23 EDN: VHDGBE.
2. Shesler A.V. Perpetrator of the crime // Lex russica. 2016. No. 11. Pp. 71–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.071-076 EDN: XVQAVX.
3. Meleshko D.A. Indirect Causing of Violent Acts against a Superior (Article 334 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law in the Armed Forces. 2019. No. 8. Pp. 58–60. EDN: RKXPKL.
4. Klimenko Yu. A. Rules for Qualifying Crimes Committed in Complicity // Journal of Russian Law. 2017. No. 4. Pp. 112–121. DOI: 10.12737/article_58e39ece8f5725.38948020 EDN: YJVQJF.
5. Obraziev K. V. Institute of Complicity in a Crime: Modern Development Trends // Russian Investigator. 2024. No. 1. pp. 39–42. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-39-42 EDN: WPSXAF.
6. Molchanov D.M. The organizer of a crime in the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation and special norms on complicity in the Special Part // Current Problems of Russian Law. 2021. No. 12. Pp. 118–133. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.118-133 EDN: IQFYAP.
7. Gorenko M.G. On the issue of the legislative definition of an instigator as an accomplice to a crime // Russian investigator. 2022. No. 11. Pp. 12–14. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-11-12-14 EDN: BENLDN.
8. Yankovsky D.A. Liability of Instigators of a Crime under Russian Criminal Law: History and Modernity // Rossiyskiy Investigator. 2021. No. 3. Pp. 50-54. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-3-50–54 EDN: QTNDJH.
9. Blagov E.V. On the Concept of an Accomplice to a Crime // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 9. Pp. 114–123. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.114-123 EDN: MCCCEB.
10. Naumov S.N. Joint participation as an evaluative feature of complicity in a crime // Society and Law. 2009. No. 3. Pp. 125–128. EDN: ONONWN.

Никуленко Андрей Вячеславович

профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России, доктор юридических наук,
профессор

Nikulenko Andrey V.

Professor of the Criminal Law Department
at St. Petersburg University
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor

Статья поступила
в редакцию:
16.03.2026

одобрена после
рецензирования
26.03.2026

принята
к публикации
27.03.2026

Санкт-Петербург
Российская Федерация

St. Petersburg
Russian Federation

✉ nikulenkoa@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 4452-0875
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>

Смирнов Максим Андреевич

индивидуальный предприниматель
в сфере оказания юридических услуг,
юрист, кандидат юридических наук

Smirnov Maksim A.

Sole proprietor in the field of legal
services, lawyer, Candidate of Law

Калининград
Российская Федерация

Kaliningrad
Russian Federation

✉ gazan87@rambler.ru
SPIN-код (РИНЦ) 7427-0598
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3805-2933>

УДК 343.2/.7

Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении силы и оружия: пределы уголовной ответственности

Police Officers' Abuse of Power in the Use of Force and Weapons: Limits of Criminal Liability

Актуальность. Проблема квалификации действий сотрудников полиции при применении насилия остается одной из наиболее дискуссионных в уголовном праве и правоприменительной практике. Особую сложность вызывает установление признака совершения деяния в связи с исполнением служебных полномочий при квалификации по статье 286 УК РФ. На практике нередко возникает ситуация, когда насилие применяется сотрудником полиции вне рамок реализации служебных полномочий либо в ходе личного конфликта, что требует четкого разграничения при квалификации таких действий должностного преступления и общеуголовных составов преступлений.

Целью исследования является выявление критериев, позволяющих разграничить превышение должностных полномочий и иные формы противоправного насилия при применении сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и оружия.

Результаты исследования. Сделан вывод о том, что при квалификации действий сотрудников полиции при применении насилия, оружия и специальных средств, ключевое значение имеет установление связи деяния с реализацией служебных полномочий. В ситуациях пресечения посягательства или задержания лица приоритетное значение должны иметь обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотренные статьями 37 и 38 УК РФ. Вместе с тем применение статьи 286 УК РФ возможно в случаях явного выхода сотрудника полиции за пределы предоставленных ему полномочий.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, сотрудник полиции, насилие, служебное положение, личная неприязнь, интересы службы, необходимая оборона, задержание лица, превышение пределов.

Abstract. The classification of police officers' actions involving violence remains one of the most controversial in criminal law and law enforcement practice. Establishing the element of committing an act in

connection with the exercise of official authority when classifying under Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation is particularly challenging. In practice, situations often arise where police officers use violence outside the scope of their official authority or during a personal conflict, which requires a clear distinction when classifying such actions as official misconduct and general criminal offenses.

The purpose of this paper is to identify criteria for distinguishing between abuse of power and other forms of unlawful violence when police officers use physical force, special equipment, and weapons.

Conclusions. It is concluded that when classifying police officers' actions involving violence, establishing the connection between the act and the exercise of official authority is crucial. In situations of preventing an attack or detaining a person, the circumstances precluding the criminality of the act, as stipulated by Articles 37 and 38 of the Criminal Code of the Russian Federation, must take priority. However, Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation may be applied in cases of a police officer clearly exceeding their authority.

Keywords: abuse of office; police officer; violence; official position; personal hostility; interests of the service; necessary defense; detention of a person; exceeding the limits.

Для цитирования: Никуленко А.В., Смирнов М.А. Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении силы и оружия: пределы уголовной ответственности // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 15–26.

For citation: *Nikulenko Andrey V., Smirnov Maxim A. Police Officers' Abuse of Power in the Use of Force and Weapons: Limits of Criminal Liability // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 15–26.*

Введение. Проблематика квалификации насильственных действий сотрудников полиции по статье 286 УК РФ остается одной из наиболее дискуссионных в современной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике. Это объясняется не только высокой социальной чувствительностью дел о насилии, применяемом сотрудниками полиции в рамках исполнения служебных обязанностей, но и сложностью определения границы между должностным преступлением, общеуголовным насильственным посягательством и правомерным применением силы [1].

Статья 286 УК РФ предусматривает ответственность за совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Часть 3 этой статьи усиливает ответственность, в частности, при применении насилия или угрозы его применения, а также оружия или специальных средств.

Вместе с тем сам по себе факт насилия со стороны сотрудника полиции еще не предопределяет квалификацию содеянного как превышения должностных полномочий. По смыслу закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 19), ответственность за должностные преступления связана с посягательством именно на интересы службы, на нормальную деятельность государственных органов. Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из того, что преступления данной категории совершаются должностными лицами по службе, а превышение полномочий выражается в совершении активных действий, явно выходящих за пределы их должностных полномочий.

Именно здесь возникает главный вопрос: когда сотрудник полиции, применяя силу, действует как субъект публичной власти, а когда – как частное лицо, руководствующееся личной неприязнью, местью, ревностью, бытовым конфликтом или иным не связанным со службой интересом? Судебная практика отвечает на него неоднозначно: в одних делах суды приходят к выводу, что при отсутствии связи насилия с исполнением служебных

полномочий состава преступления, предусмотренного статьей 286 УК РФ нет; в других – напротив, признают такую связь даже тогда, когда действия виновного были мотивированы личной заинтересованностью.

Целью исследования является определение критериев разграничения превышения должностных полномочий и правомерного причинения вреда при применении сотрудниками физической силы, специальных средств и оружия (далее – сила и оружие). Для достижения поставленной цели авторы проанализировали признаки состава преступления, предусмотренного статьей 286 УК РФ, исследовали подходы правоприменительной практики к установлению связи между применением насилия, оружия и специальных средств и действиями, выходящими за пределы служебных полномочий. На основе проведенного анализа сформулированы критерии, позволяющие разграничивать правомерные действия сотрудников полиции при применении силы и оружия и случаи, когда такие действия могут рассматриваться как явно выходящие за пределы предоставленных полномочий.

Представляется, что без выработки более точного критерия использования служебного положения и регулирования условий правомерности применения сотрудниками полиции силы и оружия [2] квалификация по статье 286 УК РФ рискует превратиться в презумпцию: раз насилие применил полицейский, значит налицо должностное преступление. Такой подход теоретически неверен и практически опасен.

Стоит отметить, что проблемы уголовно-правовой оценки применения силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов, в частности, сотрудниками полиции, получили определенное освещение в научной литературе. Вместе с тем отдельные аспекты разграничения превышения должностных полномочий и правомерного причинения вреда при применении силы и оружия в деятельности сотрудников правоохранительных органов остаются дискуссионными и требуют дополнительного научного осмысления.

Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования (анализ и синтез, дедукция и индукция, системно-структурный и другие). Кроме того, использовались частно-научные методы познания – логико-формальный и системного анализа.

Обсуждение. Переходя к рассмотрению обозначенной выше проблемы, стоит отметить, что в отечественном уголовном праве под превышением должностных полномочий понимается особая форма должностного злоупотребления властью, при которой лицо использует имеющиеся у него полномочия вопреки интересам службы [3].

Постановление Пленума ВС РФ № 19 в пункте 19 разъясняет, что ответственность по статье 286 УК РФ наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий. В качестве типовых форм такого превышения названы: совершение действий, относящихся к полномочиям другого должностного лица; действий, допустимых только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; действий, которые должны совершаться коллегиально либо по специальной процедуре; действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Для уголовно-правовой науки принципиален следующий вопрос: следует ли понимать статью 286 УК РФ как норму, предусматривающую ответственность за любое незаконное причинение вреда должностным лицом в период исполнения им служебных обязанностей, либо ее применение допустимо только тогда, когда вред причинен именно в результате незаконной реализации публично-властных полномочий. Иными словами, не всякое противоправное действие сотрудника при исполнении им служебных обязанностей

может образовывать превышение должностных полномочий. Для этого необходимо, чтобы деяние было связано именно с выходом за пределы предоставленных служебных полномочий [4].

Представляется, что правильна вторая позиция. Именно поэтому статья 286 УК РФ не может применяться автоматически ко всем случаям, когда полицейский наносит кому-либо побои.

Исходя из вышесказанного, напрашивается вывод о том, что при квалификации необходимо установить не просто наличие у лица статуса сотрудника полиции, а то, что конкретное насильственное действие было включено в сферу реализации им публично-властной функции, пусть и реализованной незаконным образом. Если же сотрудник действует исходя из иной логики действий, а его должностной статус служит лишь внешним фоном, вопрос о статье 286 УК РФ становится сомнительным.

Непосредственным объектом превышения должностных полномочий выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную, основанную на законе деятельность органов государственной власти, а дополнительным объектом могут являться права и свободы граждан, интересы организаций, охраняемые законом интересы общества и государства. В случаях применения насилия дополнительным объектом становятся также здоровье, телесная неприкосновенность, свобода и достоинство личности.

Для дел о полицейском насилии это имеет принципиальное значение. Если посягательство затрагивает лишь телесную неприкосновенность конкретного лица, но не нарушает порядок реализации публичной власти, то основным объектом деяния выступает личность, а не государственная служба. В таком случае квалификация должна смещаться в сторону преступлений против личности либо иных общих составов.

Объективная сторона статьи 286 УК РФ включает в себя активные действия, явный выход за пределы предоставленных полномочий, существенное нарушение прав и законных интересов, причинную связь между действиями и последствиями. Для части 3, в частности, дополнительно требуется квалифицирующий признак, а именно: применение насилия или угроза его применения, а также применение оружия или специальных средств.

Применительно к сотрудникам полиции проблема чаще всего сосредоточена во втором элементе объективной стороны преступления – явном выходе за пределы предоставленных полномочий [5]. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) прямо допускает применение физической силы, специальных средств и оружия, но только в случаях и порядке, установленных законом. Сотрудник полиции обязан действовать с учетом обстановки, характера опасности, сопротивления, минимизировать ущерб, а в необходимых случаях – предупреждать о применении силы и соблюдать последующие процедурные обязанности. Следовательно, насилие может быть: а) правомерным; б) неправомерным, но совершенным в процессе реализации служебного полномочия; в) неправомерным и не связанным со служебной функцией вообще.

Субъект – специальный: должностное лицо. Сотрудники полиции, обладающие властными полномочиями представителя власти, несомненно, подпадают под этот признак [6]. Однако, наличие специального субъекта не отменяет необходимости установить, что деяние совершено именно как должностное.

С субъективной стороны превышение должностных полномочий характеризуется умыслом. Лицо осознает, что действует за пределами полномочий. Мотивы могут быть различными: карьерные, корыстные, ложно понимаемые интересы службы, месть, стремление повысить показатели, личная неприязнь. Пленум Верховного Суда Российской Федерации не относит мотив к обязательным признакам состава.

Вместе с тем, через мотив и цель суд нередко устанавливает природу самого деяния: совершено оно вопреки интересам службы или из иных личностных побуждений, не связанных с исполнением служебных обязанностей. Поэтому формула «мотив значения не имеет» не должна пониматься примитивно [7]. Она означает лишь то, что личная заинтересованность не исключает статью 286 УК РФ автоматически, если лицо все же использует публично-властные полномочия. Но она не позволяет игнорировать личный мотив там, где он показывает отсутствие связи со службой.

Наиболее сложным вопросом при квалификации деяний по статье 286 УК РФ является установление того, когда действия должностного лица явно выходят за пределы его полномочий.

Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, о чем мы уже выше упоминали, превышение должностных полномочий предполагает совершение должностным лицом действий, на которые оно не уполномочено законом, либо действий, допустимых лишь при наличии специальных условий, отсутствующих в конкретной ситуации. Вместе с тем в практической деятельности установление такого превышения нередко вызывает сложности, особенно в случаях применения сотрудниками полиции физической силы.

Представляется, что признак явного выхода за пределы полномочий должен устанавливаться по совокупности обстоятельств, характеризующих содержание и условия применения насилия, а также оружия или специальных средств [8].

Во-первых, существенное значение имеет несоответствие примененных мер предусмотренным законом основаниям применения силы и оружия. Закон о полиции допускает применение физической силы лишь в строго определенных случаях (для пресечения правонарушения, задержания лица, отражения нападения и др.). Если насилие применяется при отсутствии таких оснований либо в целях, не связанных с выполнением служебных задач (например, для наказания лица, получения признательных показаний, разрешения личного конфликта), это свидетельствует о выходе за пределы полномочий.

Во-вторых, признаком превышения должностных полномочий является применение способов воздействия, которые законом не допускаются либо допускаются только при наличии специальных условий. К таким ситуациям могут относиться причинение физического вреда без необходимости, применение силы при отсутствии сопротивления со стороны гражданина, использование предметов, не предусмотренных законом, либо иные формы насилия, не обусловленные служебной необходимостью.

В-третьих, превышение полномочий может выражаться в совершении действий, которые вообще не входят в компетенцию сотрудника полиции. Например, принуждение лица к даче признательных показаний, применение насилия в целях получения информации, либо иные действия, направленные на достижение результата, не предусмотренного задачами полиции.

В-четвертых, важное значение имеет несоответствие примененных мер характеру и степени общественной опасности ситуации. Даже при наличии оснований для применения силы и оружия должностное лицо обязано действовать с учетом конкретной обстановки и минимизировать причиняемый вред. Очевидное несоответствие примененного насилия характеру поведения гражданина может свидетельствовать о явном выходе за пределы полномочий.

В-пятых, превышение полномочий может проявляться в использовании полномочий не для выполнения служебной задачи, а для достижения личных целей, таких как месть, давление на лицо, разрешение личного конфликта. В подобных случаях внешне

действия могут напоминать реализацию служебной компетенции, однако фактически они не обусловлены служебной необходимостью и потому выходят за пределы полномочий.

Наконец, при оценке действий должностного лица необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств произошедшего, включая обстановку, характер поведения потерпевшего, наличие либо отсутствие сопротивления, а также служебные задачи, стоявшие перед сотрудником полиции.

Таким образом, признак явного выхода за пределы должностных полномочий должен устанавливаться не формально, а на основе анализа того, соответствовали ли действия должностного лица предоставленным ему законом полномочиям, а также основаниям, целям и способам их реализации в рамках служебной деятельности. Если примененное насилие не обусловлено служебными задачами либо осуществляется способом, не предусмотренным или не допускаемым законом при реализации соответствующих полномочий, такие действия могут рассматриваться как превышение должностных полномочий.

Но возникает вопрос, может ли личная неприязнь или личная заинтересованность исключать из действий сотрудников полиции квалификацию их действий по статье 286 УК РФ?

С одной стороны, сама по себе личная неприязнь не исключает статью 286 УК РФ. Сотрудник полиции может по мотивам мести, ревности, раздражения или желания самоутвердиться использовать служебные инструменты принуждения: незаконно задержать, избить, доставить, оформить ложные документы, принудить к даче показаний. В таком случае личный мотив лишь раскрывает психическое отношение к деянию, но не может полностью устранять его должностную природу.

С другой стороны, при отсутствии связи между применением насилия и исполнением должностных обязанностей оснований для квалификации действий по статье 286 УК РФ не возникает. Если действия должностного лица обусловлены личными мотивами и не связаны с реализацией предоставленных ему служебных полномочий, содеянное подлежит уголовно-правовой оценке по нормам, предусматривающим ответственность за преступления против личности. Иначе право превратится в фикцию: всякий полицейский, ударивший знакомого из ревности или мести, будет считаться превысившим полномочия только потому, что обладает специальным статусом.

Следовательно, наличие личной заинтересованности не исключает состава преступления, предусмотренного статьей 286 УК РФ, если насилие совершается с использованием служебного положения должностного лица. Напротив, при отсутствии такой связи и при совершении насильственных действий вне рамок реализации служебных полномочий основания для квалификации по указанной статье отсутствуют.

Данный подход показывает, почему ссылка на то, что «мотив не имеет значения», не должна использоваться как универсальный довод обвинения. Мотив, действительно, не образует самостоятельного конструктивного признака статьи 286 УК РФ, но он имеет серьезное доказательственное значение для установления либо опровержения связи деяния с использованием служебного положения.

Теперь представляется целесообразным сопоставить изложенные теоретические положения с реальными примерами судебной практики. Показательным является постановление Черемушкинского районного суда г. Москвы от 29.04.2022 по делу Г.Р.А¹. Суд, анализируя обстоятельства дела, акцентировал внимание на рассмотрении вопроса о наличии связи между применением насилия и исполнением служебных обязанностей сотрудником

¹ Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы : [сайт]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/chere-mushkinskij/services/cases/criminal/details/79effdd0-c385-11eb-8d00-35431dd22cc4?participant=%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2+%D0%A0.%D0%90>. (дата обращения: 25.12.2025).
© Никуленко А.В., Смирнов М.А.

полиции. Исходя из разъяснений Пленума ВС РФ № 19 о квалификации превышения должностных полномочий, суд указал, что уголовная ответственность по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ предполагает совершение действий должностным лицом именно при исполнении служебных полномочий либо в связи с их исполнением. Вместе с тем в ходе судебного разбирательства было установлено, что применение физической силы имело место в ходе конфликта, возникшего на почве личных неприязненных отношений между подсудимым и потерпевшим. Данное обстоятельство было подтверждено исследованными доказательствами, свидетельствующими о том, что действия подсудимого не были обусловлены выполнением служебных задач сотрудника полиции и не преследовали целей реализации его должностной компетенции. При таких условиях суд пришел к выводу об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления, предусмотренного пунктом «а» части 3 статьи 286 УК РФ, и прекратил уголовное дело по основанию отсутствия состава преступления.

Представляется, что данная позиция суда является методологически обоснованной и соответствует изложенным выше теоретическим положениям. Суд не ограничился констатацией факта применения насилия лицом, обладающим статусом сотрудника полиции, а исследовал природу возникшего конфликта и характер действий подсудимого. Установив, что насилие являлось следствием личного конфликта и не было связано с реализацией служебных полномочий, суд обоснованно пришел к выводу об отсутствии одного из ключевых признаков должностного преступления. Подобный подход имеет важное значение, поскольку позволяет избежать расширительного толкования статьи 286 УК РФ и не подменять анализ служебного характера деяния простой констатацией должностного статуса виновного. Тем самым проводится принципиальное разграничение между насилием, совершенным должностным лицом, и насилием, являющимся формой незаконной реализации государственной власти.

Аналогичные выводы прослеживаются и в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 12.11.2024 по делу № 22-1863². Рассматривая жалобу на обвинительный приговор, апелляционная инстанция указала, что хотя мотив преступления не относится к обязательным признакам состава превышения должностных полномочий, данное преступление по своей природе может быть совершено лишь при исполнении служебных обязанностей или в связи с их исполнением. Между тем из содержания обвинения и приговора суда первой инстанции следовало, что действия подсудимых были совершены из иной личной заинтересованности и из мести потерпевшему, обусловленной его обращением в правоохранительные органы. При этом суд первой инстанции фактически признал, что применение насилия не было вызвано служебной необходимостью и не преследовало целей выполнения должностных обязанностей. В такой ситуации апелляционная инстанция пришла к выводу о внутренней противоречивости обвинительного приговора: установленные судом фактические обстоятельства не свидетельствовали о наличии служебного характера деяния. В результате осуждение по пункту «а» части 3 статьи 286 УК РФ было отменено, а уголовное дело в этой части прекращено за отсутствием состава преступления, с одновременной переквалификацией действий виновных на общеуголовные составы – умышленное причинение легкого вреда здоровью и побой.

Приведенное решение также подтверждает справедливость ранее сформулированного подхода. Апелляционная инстанция фактически исходила из того, что наличие у лица статуса сотрудника полиции само по себе не образует должностного преступления. Для

² Верховный Суд Удмуртской Республики : [сайт]. URL: <https://vs--udm.sudrf.ru/> (дата обращения 25.12.2025).

© Никуленко А.В., Смирнов М.А.

квалификации по статье 286 УК РФ необходимо установить, что причинение вреда было осуществлено именно посредством использования служебных полномочий либо авторитета государственной власти. Если же действия обусловлены личным конфликтом и не связаны с реализацией служебной функции, они должны получать иную уголовно-правовую оценку. Таким образом, в рассматриваемом случае суд обоснованно разграничил должностное преступление и общеуголовное.

Иную правовую оценку демонстрирует дело Ш., рассмотренное Кировским районным судом г. Екатеринбурга³ и впоследствии – Свердловским областным судом⁴ в апелляционном порядке. Суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии состава превышения должностных полномочий, указав, что подсудимый находился в отгуле, не был в форменном обмундировании, использовал личный автомобиль и действовал из личной заинтересованности, связанной с конфликтом вокруг его супруги. Однако апелляционная инстанция не согласилась с таким выводом. Судебная коллегия указала, что нахождение сотрудника полиции вне службы либо отсутствие форменной одежды само по себе не исключает исполнения им служебных обязанностей, поскольку действующее законодательство о службе в органах внутренних дел предусматривает случаи, когда сотрудник считается выполняющим служебные обязанности независимо от времени и места, если он совершает действия по предупреждению и пресечению правонарушений. Более того, из исследованных доказательств следовало, что подсудимый представился сотрудником полиции, предъявил служебное удостоверение, применил физическую силу, связал потерпевшему руки, принудительно доставил его в отдел полиции, использовал возможности дежурной части и фактически придал происходящему видимость официальной процедуры задержания. Иными словами, он не ограничился применением физической силы как частное лицо, а использовал авторитет служебной власти.

С точки зрения предложенного в настоящем исследовании подхода, данная правовая позиция апелляционной инстанции представляется более убедительной. Несмотря на наличие личной заинтересованности, действия виновного были реализованы посредством использования служебного положения и институтов государственной власти. Потерпевший подчинялся не просто физическому воздействию другого лица, а требованиям лица, выступавшего в роли сотрудника полиции. Кроме того, в причинении вреда были задействованы элементы служебной деятельности – помещение отдела полиции, взаимодействие с дежурной частью, служебное удостоверение. Таким образом, причинение вреда было осуществлено именно через механизм властного воздействия, что свидетельствует о служебном характере деяния.

Сопоставление рассмотренных судебных решений позволяет сделать вывод о том, что в современной судебной практике постепенно формируется определенный подход к толкованию признака служебного характера деяния при квалификации по статье 286 УК РФ. Хотя суды не всегда формулируют единый критерий прямо, их аргументация фактически сводится к выяснению одного ключевого вопроса: использовал ли виновный служебные полномочия как средство причинения вреда. Если насилие является продолжением личного конфликта и должностной статус виновного не выступает инструментом воздействия на потерпевшего, суды, как правило, исключают состав должностного преступления из действий сотрудников полиции и квалифицируют содеянное по общеуголовным нормам УК РФ. Если же причинение вреда сопровождается использованием служебного положения, использованием публично-властного статуса или созданием видимости

³ Кировский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области : [сайт]. URL: <https://kirovsky-svd.sudrf.ru/> (дата обращения 25.12.2025).

⁴ Свердловский областной суд : [сайт]. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru/> (дата обращения 25.12.2025).

реализации полицейских полномочий, суды, как правило, признают наличие превышения должностных полномочий.

Таким образом, анализ судебной практики подтверждает обоснованность ранее сформулированного вывода о том, что для квалификации насильственных действий сотрудника полиции по статье 286 УК РФ решающее значение имеет не сам по себе должностной статус лица и не мотив его поведения, а характер использования служебных полномочий при совершении противоправного деяния. Иными словами, необходимо разграничивать насилие, совершенное должностным лицом как частным субъектом, и насилие, осуществляемое посредством незаконного использования публично-властных полномочий. Только в последнем случае можно говорить о превышении должностных полномочий.

Не менее важным является следующий аспект. В практике нередко квалифицируют всякое «чрезмерное» применение силы сотрудником полиции именно как превышение должностных полномочий. На наш взгляд, такой подход не всегда верен [9].

В соответствии с Законом о полиции сотруднику предоставлено право применять физическую силу, специальные средства и оружие в предусмотренных законом случаях. Следовательно, сам по себе факт причинения вреда гражданину при задержании, пресечении правонарушения либо защите других лиц не свидетельствует о противоправности действий сотрудника полиции. В подобных ситуациях применение силы может являться правомерным способом исполнения возложенных на сотрудника служебных обязанностей.

Но если сотрудник применяет силу в ситуации реального общественно опасного посягательства, для задержания лица, предотвращения вреда или защиты других лиц, то уголовно-правовая оценка должна первоначально проходить через институт обстоятельств, исключающих преступность деяния – необходимую оборону и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Именно статьи 37 и 38 УК РФ определяют, когда вред правомерен, а когда имеет место превышение допустимых пределов [10].

Системно это выглядит так. Если сотрудник полиции действует для отражения нападения, пресечения опасного поведения или задержания преступника, он прежде всего выступает не как «должностное лицо, превысившее полномочия», а как субъект, которому закон разрешает причинить вред в специально оговоренных случаях. Ошибка в оценке интенсивности угрозы, способа задержания, объема причиненного вреда должна в первую очередь анализироваться как возможное превышение пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица [11].

Автоматическое смещение оценки в статью 286 УК РФ опасно по двум причинам.

Во-первых, оно игнорирует материальную природу конфликта. В ситуации отражения нападения или задержания юридически главным является вопрос о пределах допустимого причинения вреда.

Во-вторых, такой подход расширяет уголовную ответственность должностных лиц там, где законодатель уже создал специальные механизмы оценки пределов допустимого вреда. Правильно не подменять эти механизмы общим должностным составом преступления [12].

Таким образом, если насилие применяется сотрудником полиции для пресечения посягательства или задержания, первичный вопрос должен звучать так: имелись ли основания для правомерного причинения вреда и были ли превышены допустимые пределы? Лишь при отрицательном ответе либо при использовании этой ситуации как предлога для властного произвола следует переходить к обсуждению статьи 286 УК РФ.

Вместе с тем сказанное не означает, что применение статьи 286 УК РФ должно полностью исключаться во всех случаях применения сотрудником полиции чрезмерного

насилия при исполнении им поставленных перед полицией задач. Если посягательство уже пресечено, сопротивление фактически прекращено, однако сотрудник полиции продолжает применять насилие, например из мести за оказанное сопротивление, такие действия могут образовывать состав превышения должностных полномочий. В подобных ситуациях насилие уже не связано с необходимостью пресечения правонарушения или задержания лица и выходит за пределы допустимого применения силы сотрудником полиции.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, превышение должностных полномочий, предусмотренное статьей 286 УК РФ, не может рассматриваться как любое противоправное применение насилия сотрудником полиции. Данный состав предполагает совершение действий, явно выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий. Соответственно, уголовно-правовая оценка по статье 286 УК РФ возможна лишь при наличии связи между применением насилия и реализацией служебных полномочий должностного лица.

Во-вторых, мотивы поведения должностного лица, такие как личная неприязнь, месть или стремление разрешить личный конфликт, сами по себе не определяют уголовно-правовую квалификацию по статье 286 УК РФ. Наличие личной заинтересованности не исключает ответственности по статье 286 УК РФ, если противоправные действия совершаются посредством использования служебных полномочий либо авторитета государственной власти. Вместе с тем, если применение насилия обусловлено исключительно личным конфликтом и не связано с реализацией служебной функции, основания для квалификации по статье 286 УК РФ отсутствуют.

В-третьих, анализ судебной практики показывает существование двух устойчивых моделей правовой оценки подобных ситуаций. В тех случаях, когда насилие являлось продолжением личного конфликта и не сопровождалось использованием служебных полномочий либо иных элементов служебной деятельности (например, удостоверение сотрудника полиции), суды приходят к выводу об отсутствии состава превышения должностных полномочий. Напротив, если противоправные действия сопровождались демонстрацией служебного статуса, предъявлением служебного удостоверения, использованием помещений органов внутренних дел, механизмов доставления либо иных возможностей, связанных со служебным положением, суды, при наличии к тому оснований, признают наличие состава должностного преступления.

В-четвертых, признак использования служебного положения при квалификации по статье 286 УК РФ должен устанавливаться с учетом фактического характера действий должностного лица. Для этого необходимо анализировать цели применения насилия, обстоятельства его совершения, способ воздействия на потерпевшего, а также использование виновным служебных возможностей и авторитета представителя власти. Сам по себе статус сотрудника полиции не может рассматриваться как достаточное основание для вывода о наличии должностного преступления.

В-пятых, в ситуациях, связанных с применением сотрудниками полиции силы и оружия при пресечении правонарушений и преступлений, задержании лиц либо защите граждан, первостепенное значение имеет установление наличия оснований для правомерного причинения вреда и соблюдения пределов допустимого применения силы. При этом следует учитывать положения статей 37 и 38 УК РФ, регулирующих вопросы необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Вместе с тем применение статьи 286 УК РФ не может быть полностью исключено и в подобных ситуациях. В частности, если посягательство уже пресечено или сопротивление прекращено, однако сотрудник полиции продолжает применять насилие, например из мести за

ранее оказанное сопротивление, такие действия могут свидетельствовать о явном выходе за пределы полномочий.

В-шестых, анализ теории и судебной практики свидетельствует о необходимости более четкого установления обстоятельств, имеющих значение для квалификации по статье 286 УК РФ. В частности, при разрешении подобных дел суду необходимо установить содержание служебных полномочий должностного лица, характер их фактического использования, а также связь между применением насилия и реализацией служебных полномочий.

Таким образом, правильная уголовно-правовая оценка действий сотрудников полиции при применении насилия, а также оружия и специальных средств требует установления не только факта причинения вреда, но и характера связи данного деяния с исполнением служебных полномочий. Должностное преступление имеет место лишь в тех случаях, когда причинение вреда осуществляется посредством незаконного использования полномочий представителя власти и связано с явным выходом за пределы предоставленных полномочий. Если же насилие обусловлено исключительно личным конфликтом и не связано с реализацией служебных полномочий, основания для квалификации по статье 286 УК РФ отсутствуют.

Список используемой литературы

1. Барышников М.В., Вайсгергисер Е.Ю. Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 210–213. DOI 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213. EDN: PABFPO.
2. Леушина А.Г., Хадыева М.Л. Правовые основы применения сотрудниками полиции физической силы: отличие крайней необходимости от превышения должностных полномочий // Актуальные вопросы общества, науки и образования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 10.12.2023. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 126–129. EDN: JFIRPK.
3. Морозов В.И. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2 (13). С. 96–104. EDN: QZNNYJ.
4. Павлинов А.В. Превышению должностных полномочий сотрудниками органов внутренних дел необходимо противодействовать // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 4 (42). С. 19–22. EDN: SXDIPR.
5. Чукин Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 3 (272). С. 59–66. EDN: BIRYOJ.
6. Шигуров А.В., Васягина М.М. Разграничение служебного подлога, злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности : Материалы III Всероссийского онлайн-симпозиума с международным участием, Саранск, 28.04.2023. ИП Афанасьев В.С., 2024. EDN: CUBCSV.
7. Борков В.Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2023. № 3 (151). С. 20–27. DOI 10.52390/20715870_2023_3_20 EDN: IZPROY.
8. Щетинина Н.В., Пашнин А.Н. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и (или) огнестрельного оружия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 46–49. EDN: XEJIPF.
9. Шатилов С.Н., Морозов В.И. Вопросы правовой регламентации применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1 (55). С. 60–70. EDN: GLISDA.
10. Смирнов М.А. Актуальные вопросы определения правомерности причинения сотрудниками полиции и Росгвардии вреда в состоянии необходимой обороны // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03.06.2022–04.06.2022 / Под общей редакцией Т.А. Огарь, Д.М. Кокина, сост. Н.И. Кузнецова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 267–271. EDN: SKSXYZ.

11. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство „Юридический центр”». 2023. 480 с. ISBN: 978-5-94201-846-7 EDN: XQNH BV.

12. Динека В.И. Правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния при квалификации превышения должностных полномочий, совершаемых сотрудниками полиции // Реформирование законодательства в сфере противодействия преступности и проблемы его применения : Материалы межвузовского научно-методического семинара, Руза, 22.05.2015 / ответственный редактор: М.Г. Жилкин. Руза: Московский университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2015. С. 55–60. EDN: UZZDKL.

References

1. Baryshnikov M.V., Vaysergiser E.Yu. Abuse of Official Powers by Police Officers in the Use of Physical Force, Special Means, and Firearms // Civil Service and Personnel. 2025. No. 2. pp. 210–213. DOI 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213. EDN: PABFPO.

2. Leushina A.G., Khadyeva M.L. Legal Basis for the Use of Physical Force by Police Officers: Distinguishing Extreme Necessity from Abuse of Official Powers // Current Issues of Society, Science, and Education: Collection of Articles from the IX International Scientific and Practical Conference, Penza, 12/10/2023. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. pp. 126–129. EDN: JFIRPK.

3. Morozov V.I. Features of criminal liability for abuse of office and exceeding of office powers by employees of security and escort units of the police // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (13). pp. 96–104. EDN: QZNNYJ.

4. Pavlinov A.V. Abuse of office powers by employees of internal affairs bodies must be countered // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2014. No. 4 (42). pp. 19–22. EDN: SXDIPR.

5. Chukin D.S. Abuse of office powers and exceeding of office powers: law enforcement issues // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. 2020. No. 3 (272). pp. 59–66. EDN: BIRYOJ.

6. Shigurov AV, Vasyagina MM Distinction between Official Forgery, Abuse of Power, and Exceeding Official Authority // Protecting Human Rights in Periods of Foreign Policy Tension: Proceedings of the III All-Russian Online Symposium with International Participation, Saransk, 28.04.2023. IP Afanasyev VS, 2024. EDN: CUBCSV.

7. Borkov V.N Assessing the Motive in Qualifying Exceeding Official Authority // Criminal Law. 2023. No. 3 (151). pp. 20–27. DOI 10.52390/20715870_2023_3_20 EDN: IZPROY.

8. Shchetinina N.V, Pashnin A.N Limits on the Legality of the Use of Physical Force, Special Means, and/or Firearms by Police Officers // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. pp. 46–49. EDN: XEJIPF.

9. Shatilovich S.N., Morozov V.I. Issues of Legal Regulation of the Use of Physical Force, Special Means, and Firearms by Police Guard and Escort Units in a State of Necessary Defense in the Event of Inflicting Harm to Health or Death on the Attacker // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). pp. 60–70. EDN: GLISDA.

10. Smirnov M.A. Current Issues of Determining the Legality of Harm Caused by Police and Rosgvardia Officers in a State of Necessary Defense // Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, 03.06.2022–04.06.2022 / General editors T.A. Ogar, D.M. Kokina, compiled by N.I. Kuznetsova. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. pp. 267–271. EDN: SKSXYZ.

11. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Institute of Necessary Defense in the Activities of Law Enforcement Officers St. Petersburg: Limited Liability Company Legal Center” Publishing House, 2023. 480 p. ISBN: 978-5-94201-846-7 EDN: XQNH BV.

12. Dineka V.I. Legal significance of circumstances excluding the criminality of an act when qualifying abuse of power by police officers // Reforming legislation in the field of combating crime and problems of its application: Materials of the interuniversity scientific and methodological seminar, Ruza, 05/22/2015 / editor-in-chief: M.G. Zhilkin. Ruza: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2015. pp. 55–60. EDN: UZZDKL.

Тепляшин Павел Владимирович

профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор

Красноярск
Российская Федерация

Tepliyashin Pavel V.

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation",
Doctor of Law, Professor

Krasnoyarsk
Russian Federation

✉ pavlushat@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ) 5627-5059
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6737-749X>

Статья поступила
в редакцию: 15.03.2026
одобрена после
рецензирования
26.03.2026
принята к публикации
27.03.2026

УДК 341.4 : 343.976

Ликвидация «безопасных гаваней» как стратегический приоритет внешней политики России в противодействии транснациональной наркопреступности

Eliminating «safe havens» as a strategic priority of Russia's foreign policy in countering transnational drug crime

Аннотация. Актуальность темы обусловлена трансформацией транснациональной наркопреступности в глобальный дестабилизирующий фактор, подрывающий суверенитет государств, здоровье населения и основы национальной безопасности. Для России проблема усугубляется ростом криминальных наркодеяний, масштабной цифровизацией наркорынка и увеличением доли организованных форм наркопреступности. Дополнительным вызовом выступает формирование «безопасных гаваней» – юрисдикций, где под видом либерализации наркополитики легализуются отдельные сегменты наркорынка, что создает плацдармы для транснациональной наркоэкспансии.

Цель работы заключается в анализе внешнеполитических механизмов противодействия транснациональной наркопреступности, выявлении проблемных полей в организации правовых контуров ликвидации «безопасных гаваней», формулировании предложений организационного и криминологического характера.

Методы. Методологическую основу составили формально-юридический анализ положений Концепции внешней политики Российской Федерации и международных антинаркотических конвенций, статистический анализ данных правоприменительной практики, а также системный подход к оценке транснациональных угроз.

Выводы. Выявлены ключевые проблемные поля: юрисдикционная фрагментация и «регуляторный арбитраж», цифровой разрыв в контроле над наркооборотом, недостаточная эффективность механизмов возврата активов, идеологическая экспансия нарколиберальных подходов. Сформулированы предложения организационного характера, включая создание механизма «антинаркотического комплаенса» юрисдикций, формирование специализированного координационного центра по противодействию цифровой наркоинфраструктуре, развитие института совместных антинаркотических операций с акцентом на подрыв экономических основ наркобизнеса, усиление контрпропагандистского компонента и внедрение механизмов криминологического прогнозирования.

Ключевые слова: юрисдикционная фрагментация, даркнет-инфраструктура, криптовалютные расчеты, организованные преступные формирования, нарколиберальные концепции, межгосударственное взаимодействие, криминологический мониторинг.

Abstract. The relevance of this topic stems from the transformation of transnational drug crime into a global destabilizing factor, undermining state sovereignty, public health, and the foundations of national security. For Russia, the problem is exacerbated by the growth of criminal drug activity, the widespread digitalization of the drug market, and the increasing share of organized forms of drug crime. An additional challenge is

the emergence of «safe havens» – jurisdictions where, under the guise of drug policy liberalization, certain segments of the drug market are legalized, creating springboards for transnational drug expansion.

The aim of this paper is to analyze foreign policy mechanisms for combating transnational drug crime, identify problem areas in the legal framework for eliminating «safe havens», formulate organizational and criminological proposals.

Methods. The methodological framework was based on a formal legal analysis of the provisions of the Russian Federation Foreign Policy Concept and international anti-drug conventions, a statistical analysis of law enforcement data, and a systems approach to assessing transnational threats.

Conclusions. Key problem areas were identified: jurisdictional fragmentation and “regulatory arbitrage”, the digital divide in drug control, the ineffectiveness of asset recovery mechanisms, and the ideological expansion of drug-liberal approaches. Organizational proposals were formulated, including the creation of a jurisdictional “anti-drug compliance” mechanism, the establishment of a specialized coordination center to counter the digital drug infrastructure, the development of joint anti-drug operations with an emphasis on undermining the economic foundations of the drug trade, strengthening counter-propaganda, and the implementation of criminological forecasting mechanisms.

Keywords: jurisdictional fragmentation, darknet infrastructure, cryptocurrency payments, organized crime groups, drug-liberal concepts, interstate cooperation, criminological monitoring.

Для цитирования: Тепляшин П.В. Ликвидация «безопасных гаваней» как стратегический приоритет внешней политики России в противодействии транснациональной наркопреступности // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 27–33.

For citation: *Teplyashin Pavel V.* Eliminating «safe havens» as a strategic priority of Russia's foreign policy in countering transnational drug crime // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 27–33.

Введение. Современная наркопреступность утратила локальный характер, превратившись в один из наиболее динамичных и деструктивных факторов транснациональной организованной преступности, напрямую угрожающих национальной безопасности, здоровью населения и духовно-нравственным основам российского общества. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 (далее – Концепция) в пункте 9 прямо относит незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров к числу транснациональных вызовов и угроз, осложняющих выработку коллективных ответов и требующих консолидированных международных усилий. При этом пункт 32 Концепции конкретизирует приоритетные направления антинаркотического сотрудничества, акцентируя внимание на недопущении ослабления или пересмотра действующего глобального режима контроля над наркотиками и оказании практического содействия союзникам и партнерам.

Ключевой идеей, объединяющей внешнеполитический и правоохранительный векторы противодействия наркопреступности, выступает ликвидация «безопасных гаваней» для преступников. Данный концепт, закрепленный в пункте 33 Концепции применительно к борьбе с транснациональной организованной преступностью и коррупцией, означает создание такой системы международного и национального правового регулирования, которая исключает возможность использования территорий, юрисдикций, финансовых систем или информационных пространств отдельных государств для безнаказанного осуществления наркоторговли, легализации наркодоходов и укрывательства участников наркопреступных сообществ.

Достижение цели по ликвидации «безопасных гаваней» требует не только совершенствования правового инструментария, но и осознания реального уровня угрозы, исходящей от транснациональной наркопреступности. Показатели таких угроз хорошо продемонстрированы в специально проведенном исследовании [1]. Масштабы транснациональной наркопреступности наглядно демонстрирует статистика правоприменительной

деятельности. Так, в 2025 году в России зарегистрировано 214,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,4 % больше, чем в предыдущем году, причем почти три четверти из них (73,9 %) совершены с целью сбыта. Особую тревогу вызывает рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, – 117,5 тыс. фактов (+24,2 %). Организованными группами или преступными сообществами совершено 48,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+35,4 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос до 17,7 %.

Следовательно, существенный научный интерес представляет анализ внешнеполитических механизмов противодействия транснациональной наркопреступности, выявление проблемных полей в организации правовых контуров ликвидации «безопасных гаваней» и формулирование предложений организационного (криминологического) характера, направленных на повышение эффективности международного антинаркотического сотрудничества.

Обсуждение и результаты. В Концепции (п. 9) фиксируется системный кризис международно-правового механизма противодействия транснациональным угрозам: узкая группа государств стремится подменить универсальные международные договоры концепцией миропорядка, основанного на «правилах», которые вырабатываются без равноправного участия всех заинтересованных сторон. В антинаркотической сфере это проявляется в попытках отдельных государств и их объединений пересмотреть базовые принципы Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (далее – Конвенция), продвигать идеи легализации немедицинского потребления наркотиков и ослабления международного контроля. Такая политика создает предпосылки для формирования новых «безопасных гаваней» – юрисдикций, где под видом либерализации наркополитики фактически легализуются отдельные сегменты наркорынка, что неизбежно ведет к усилению транснационального наркотрафика и росту сопутствующей преступности.

Пункт 32 Концепции формулирует два ключевых направления антинаркотической деятельности. Во-первых, расширение международного сотрудничества в интересах недопущения ослабления или пересмотра действующего глобального режима контроля над наркотиками (включая недопущение легализации их применения в немедицинских целях). Во-вторых, оказание союзникам и партнерам практического содействия в осуществлении антинаркотической деятельности. Эти положения корреспондируют с задачей ликвидации «безопасных гаваней», поскольку эффективное противодействие транснациональной наркопреступности невозможно без устранения юрисдикционных разрывов, позволяющих преступным группам маневрировать между правовыми системами различных государств.

Исследование современной наркоситуации и действующей системы международно-правового регулирования противодействия незаконному транснациональному обороту наркотиков позволяет выделить ряд проблемных полей, препятствующих эффективной реализации внешнеполитического курса России в антинаркотической сфере.

I. Различия в национальных законодательствах государств в части перечней контролируемых веществ, мер ответственности за наркопреступления, процедур контроля за легальным оборотом прекурсоров создают возможности для так называемого «регуляторного арбитража» – выбора преступными группами наиболее благоприятных юрисдикций для организации производства, транзита или сбыта наркотиков. Особую опасность представляют государства, где под влиянием нарколиберального лобби ослабляется государственный контроль либо легализуются отдельные виды наркотиков, что неизбежно

превращает их территории в плацдармы для дальнейшего распространения наркоугрозы. На данные особенности либеральной антинаркотической политики обращается внимание в ряде специальных исследований [2, 3].

II. Рост числа преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (117,5 тыс. в 2025 году, что на 24,2 % больше по сравнению с предыдущим годом), свидетельствует о масштабной цифровизации наркорынка. Даркнет-площадки, криптовалютные расчеты, зашифрованные каналы связи, дистанционное управление подпольными лабораториями – все эти инструменты активно используются транснациональными наркогруппировками [4, 5]. При этом существующие механизмы международного сотрудничества, ориентированные на традиционные формы наркотрафика, не всегда адекватны новым технологическим вызовам. Размещение серверного оборудования, обеспечивающего функционирование наркорынков в даркнете, на территориях государств с недостаточным уровнем правового регулирования или слабой правоохранительной системой создает новые разновидности «безопасных гаваней» – уже не территориальных, а виртуальных.

III. Легализация доходов от наркопреступности остается одним из ключевых факторов, обеспечивающих устойчивость наркобизнеса [6, 7]. Использование транснациональными наркокартелями криптовалют, офшорных юрисдикций, сложных многоуровневых схем «отмывания» криминальных сверхприбылей от наркоиндустрии позволяет преступным группам скрывать свои финансовые активы и инвестировать их в расширение преступной деятельности [8]. В этой связи А.Н. Щербич верно констатирует необходимость создания системы комплексного противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков [9]. Действительно, провозглашенный в пункте 33 Концепции принцип ликвидации «безопасных гаваней» объективно требует создания действенных механизмов межгосударственного взаимодействия, в том числе по розыску, аресту и конфискации преступных доходов, включая криптоактивы. При этом нельзя не заметить, что в 2025 году ущерб Российской Федерации от преступлений экономической направленности, тесно связанных с отмыванием наркодоходов, составил 363,4 млрд рублей.

IV. Пункт 32 Концепции особо акцентирует необходимость недопущения ослабления или пересмотра действующего глобального режима контроля над наркотиками. Однако в последние годы наблюдается активизация сторонников нарколиберальных концепций, продвигающих идеи «снижения вреда», «рекреационного потребления», «депенализации» и даже легализации отдельных видов наркотиков. Эти идеи, транслируемые через международные организации, неправительственные структуры и медиа, подрывают консенсусную основу международной антинаркотической политики и создают морально-психологическую базу для легитимации «безопасных гаваней». Применительно к воплощению в реальную действительность данных идей Е.В. Чирков верно указывает следующее: «деструктивные процессы протекают на фоне нарколиберальной политики отдельных стран... за рубежом состояние дел в данной сфере стремительно деградирует, данное обстоятельство имеет прямую проекцию на продолжение внешней наркоэкспансии» [10].

Исходя из анализа проблемных полей и соответствующих положений Концепции, представляется возможным сформулировать ряд предложений организационного и криминологического характера, направленных на повышение эффективности противодействия наркопреступности и ликвидацию «безопасных гаваней».

Допустимо сформулировать пять предложений:

1) на многосторонних площадках функционирования международных организаций (в частности, ОДКБ, ШОС, БРИКС) целесообразно инициировать системную разработку критериев оценки национальных антинаркотических законодательств на предмет их

соответствия базовым принципам международного контроля, закрепленным в Единой конвенции 1961 года и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств 1988 года. Юрисдикции, допускающие определенные отступления от этих принципов (легализация немедицинского потребления, необоснованное исключение веществ из списков контролируемых, отсутствие эффективных мер противодействия отмыванию наркодоходов), могут рассматриваться как «зоны повышенного риска» с вытекающими последствиями для дальнейшего конструктивного сотрудничества;

2) учитывая масштабы использования IT-технологий в наркопреступности, необходима более активная институционализация международного взаимодействия по выявлению и нейтрализации даркнет-площадок, криптообменников, серверной инфраструктуры наркорынков. Центр такого взаимодействия (далее – Центр международного сотрудничества) мог бы функционировать при поддержке государств-членов ОДКБ и ШОС, обеспечивая оперативный обмен информацией о новых цифровых угрозах, координацию совместных операций и разработку рекомендаций по гармонизации законодательства в части регулирования криптовалютных отношений и ответственности за использование соответствующих цифровых инструментов в преступных целях;

3) положительный опыт операции «Канал», реализуемой в рамках функционирования ОДКБ, требует расширения и углубления соответствующей практики силового воздействия на транснациональную наркопреступность. В унисон данной операции перспективным направлением представляется проведение специализированных финансовых исследований, направленных на выявление и блокирование активов транснациональных наркогруппировок, включая криптоактивы. Целесообразна активизация создания межгосударственных следственных групп по сложным многоэпизодным делам, связанным с деятельностью транснациональных преступных сообществ. Ведь доля преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, выросла до 17,7 %, что подтверждает необходимость именно коллективных, скоординированных мер соответствующего реагирования;

4) в пункте 32 Концепции фиксируется необходимость противодействия инициативам, ведущим к ослаблению контроля над наркотиками, что должно получить организационное наполнение. Это предполагает активизацию работы на площадках международных организаций (например, Комиссия ООН по наркотическим средствам, Всемирная организация здравоохранения) по разоблачению деструктивной сущности нарколиберальных концепций, демонстрации их связи с ростом наркопотребления, преступности и социальной деградации. Необходимо также развивать взаимодействие с традиционными религиозными организациями, институтами гражданского общества, научным сообществом для формирования консолидированной позиции в защиту действующей системы международного контроля;

5) прогностический подход к противодействию наркопреступности требует создания системы мониторинга и анализа новых тенденций в производстве и распространении наркотиков, появления новых психоактивных веществ, развития технологий обхода правоохранительных механизмов контроля. Такой мониторинг должен осуществляться на национальном уровне с последующей интеграцией данных в Центр международного сотрудничества, что позволит своевременно реагировать на возникающие угрозы до их масштабного распространения.

Выводы. Концепция задает четкие ориентиры для противодействия транснациональной наркопреступности, акцентируя необходимость сохранения действующей системы международного контроля, оказания практического содействия союзникам и партнерам, ликвидации «безопасных гаваней» для преступников. Подтверждает актуальность

этих задач статистический рост наркопреступности, увеличение доли сбыта наркотиков, масштабная цифровизация наркорынка, усиление организованных форм наркопреступности, что требуют адекватного криминологически значимого и правового ответа.

Проведенный анализ позволил выявить ключевые проблемные поля в организации правовых контуров ликвидации «безопасных гаваней»: юрисдикционную фрагментацию и «регуляторный арбитраж», цифровой разрыв в контроле над наркооборотом, недостаточную эффективность механизмов возврата активов, идеологическую экспансию нарколиберальных подходов.

Предложенные меры организационного характера – формирование механизма «антинаркотического комплаенса» юрисдикций, создание специализированного координационного центра по противодействию цифровой наркоинфраструктуре, развитие института совместных антинаркотических операций с акцентом на подрыв экономических основ наркобизнеса, усиление контрпропагандистского компонента, внедрение механизмов криминологического прогнозирования – направлены на формирование целостной системы ликвидации «безопасных гаваней» во всех их проявлениях: территориальных, юрисдикционных, финансовых, цифровых и идеологических. Только такой комплексный и стратегический подход, интегрирующий внешнеполитические, правоохранные и криминологические инструменты, способен обеспечить эффективное противодействие транснациональной наркопреступности и защиту национальных интересов России в условиях глобализации наркоугроз.

Список используемой литературы

1. Суров О.А., Обухов И.А., Земцова С.И. Противодействие транснациональной наркопреступности в отдельных государствах Центральной Америки (организационные и правовые основы): аналитический обзор. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. 150 с. EDN SIDDWJ.
2. Мальков С.М. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: характеристика, тенденции, недостатки // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1(42). С. 51–56. DOI 10.51980/2542-1735_2021_1_51. EDN AJQQIX.
3. Яшин А.В., Шикшеев В.Р. Стратегии противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотиков: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Пензенского государственного университета. 2021. № 1(33). С. 3–8. EDN YDVKRQ.
4. Гайбашев Р.Н. Сравнительный анализ международного опыта и отечественной практики ОВД в организации оперативно-розыскных мероприятий по обследованию объектов и территорий для выявления и документирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и прекурсоров // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 7А. С. 127–137. EDN: ERGEIY.
5. Гедугошев Р.Р. Вопросы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, совершаемого бесконтактным способом посредством сети интернет // Право и управление. 2024. № 10. С. 309–312. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-10-309-312 EDN: ERHSXJ.
6. Адмиралова И.А. Фроленкова А.В. Современное состояние борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 2(74). С. 113–118. DOI 10.29039/2312-7937-2025-2-113-118. EDN ZXKCFE.
7. Искандаров Р.Р. Легализация и декриминализация наркотиков. Критический анализ зарубежного опыта // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 3. С. 14–15. DOI 10.18572/2071-1190-2024-3-14-15. EDN DKIBUG.
8. Зинченко Д.С. Криптовалюта как средство платежа при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 3(56). С. 31–38. EDN KGCLHK.
9. Щербич А.Н. Борьба с экономической основой наркобизнеса в современной системе противодействия криминальной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков // Научно-техническое обеспечение судопроизводства. 2024. № 1. С. 120–122. EDN GHLQIZ.
10. Чирков Е.В. О наркоситуации в мире и влиянии на нее нарколиберальной политики зарубежных государств // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики: материалы Седьмой международной научно-практической конференции, Москва, 11–14 декабря 2023 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2025. С. 171–177. EDN HUYQTZ.

References

1. Surov O.A., Obukhov I.A., Zemtsova S.I. Counteracting transnational drug-related crime in certain Central American states (organizational and legal framework): an analytical review. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. 150 p. EDN SIDDWJ.
2. Malkov S.M. Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030: characteristics, trends, shortcomings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1(42). Pp. 51–56. DOI 10.51980/2542-1735_2021_1_51. EDN AJQQIX.
3. Yashin A.V., Shiksheev V.R. Strategies for Combating Crime in the Sphere of Illegal Drug Trafficking: Domestic and Foreign Experience // Bulletin of Penza State University. 2021. No. 1(33). Pp. 3–8. EDN YDVKRQ.
4. Gaibashev R.N. Comparative Analysis of International Experience and Domestic Practice of Internal Affairs Bodies in Organizing Operational-Investigative Measures to Inspect Facilities and Territories to Detect and Document Crimes Related to Illegal Drug and Precursor Trafficking // Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 7A. Pp. 127–137. EDN: ERGEIY.
5. Gedugoshev R.R. Issues of Combating Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Committed Contactlessly via the Internet // Law and Management. 2024. No. 10. Pp. 309–312. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-10-309-312 EDN: ERHSXJ.
6. Admiralova I.A. Frolenkova A.V. Current state of the fight against the legalization (laundering) of proceeds from drug trafficking // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2025. No. 2(74). Pp. 113–118. DOI 10.29039/2312-7937-2025-2-113-118. EDN ZXKCFE.
7. Iskandarov R.R. Legalization and decriminalization of drugs. Critical analysis of foreign experience // International criminal law and international justice. 2024. No. 3. Pp. 14–15. DOI 10.18572/2071-1190-2024-3-14-15. EDN DKIBUG.
8. Zinchenko D.S. Cryptocurrency as a means of payment in the commission of crimes in the sphere of illegal drug trafficking using information and communication technologies // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3(56). Pp. 31–38. EDN KGCLHK.
9. Shcherbich A.N. The fight against the economic basis of the drug business in the modern system of counteracting criminal activity in the sphere of illegal drug trafficking // Scientific and technical support of legal proceedings. 2024. No. 1. Pp. 120–122. EDN GHLQIZ.
10. Chirkov E.V. On the drug situation in the world and the influence of the drug liberal policies of foreign states on it // Actual problems of comparative law and legal linguistics: Proceedings of the Seventh international scientific and practical conference, Moscow, December 11–14, 2023. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2025. Pp. 171–177. EDN HUYQTZ.

Селиверстов Вячеслав Иванович

профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия МГЛУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Москва
Российская Федерация

Seliverstov Vyacheslav I.

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University Faculty of Law; Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Institute of International Law and Justice of MGLU, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Moscow
Russian Federation

Статья поступила
в редакцию:
15.03.2026

одобрена после
рецензирования
26.03.2026

принята
к публикации
27.03.2026

✉ vis_home@list.ru
SPIN-код (РИНЦ): 1357-2589
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

Грушин Федор Владимирович

главный научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России; профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Москва
Российская Федерация

Grushin Fyodor V.

Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Professor at the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

Moscow
Russian Federation

✉ fedor062@yandex.ru
SPIN-код (РИНЦ): 1737-7001
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>

УДК 343.97

Обеспечение социализации совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы, в контексте правил Нельсона Манделы

Ensuring the rights of adult men serving their sentences in the context of the Nelson Mandela rules

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием государства и общества к проблемам социализации осужденных к лишению свободы.

Цель исследования заключается в развернутой характеристике осужденных – совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальных переписей 1999, 2009 и 2022 гг.), в соотношении с Минимальными стандартными правилами ООН в отношении обращения с заключенными (Правилами Нельсона Манделы). Акцент делается на анализе правоотношений в сфере обеспечения социализации совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы. В соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством показаны особенности исполнения лишения свободы в части локализации осужденных и их привлечения к общественно полезному труду.

Выводы. Приводятся статистические данные по следующим направлениям: распределение осужденных в исправительных колониях по месту отбывания наказания относительно региона их проживания до ареста; распределение осужденных в зависимости от обеспеченности оплачиваемой работой на момент переписи; динамика наличия денежных средств на лицевых счетах осужденных как показатель вознаграждения за труд. По итогам проведенного анализа выявляются разнонаправленные тенденции: с одной стороны, фиксируется увеличение доли лиц, постоянно обеспеченных работой, и рост числа осужденных, имеющих средства на счетах; с другой – отмечается увеличение доли

осужденных, отбывающих наказание за пределами своего региона, и наличие стабильно высокой доли лиц, отказывающихся от работы. С учетом складывающейся уголовно-исполнительной политики формулируется вывод о соответствии ситуации с обеспеченностью работой международным стандартам.

Ключевые слова: осужденные к лишению свободы, Правила Нельсона Манделы, исправительные колонии, характеристика осужденных.

Annotation. The relevance of the research is due to the increased attention of the state and society to the problems of socialization of those sentenced to imprisonment. **The purpose** of the study is to provide a detailed description of adult male convicts serving their sentences (based on the materials of the special censuses of 1999, 2009, and 2022) in relation to the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules). The focus is on the analysis of legal relations in the field of ensuring the socialization of adult men serving their sentences. In accordance with the current penal enforcement legislation, the features of the execution of imprisonment regarding the localization of convicts and their involvement in socially useful labor are shown.

Conclusions. Statistical data is provided in the following areas: the distribution of convicts in correctional colonies by the place of serving the sentence relative to their region of residence before arrest; the distribution of convicts depending on the provision of paid work at the time of the census; the dynamics of the availability of funds in the personal accounts of convicts as an indicator of labor remuneration. Based on the results of the analysis, multidirectional trends are identified: on the one hand, there is an increase in the proportion of persons constantly provided with work and an increase in the number of convicts with funds in their accounts; on the other hand, there is an increase in the proportion of convicts serving sentences outside their region and a consistently high proportion of persons refusing to work. Taking into account the current penal enforcement policy, a conclusion is formulated about the compliance of the employment situation with international standards.

Keywords: prisoners sentenced to imprisonment, Nelson Mandela Rules, correctional colonies, characteristics of convicts.

Для цитирования: Селиверстов В.И., Грушин Ф.В. Обеспечение социализации совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы, в контексте правил Нельсона Манделы // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 34–40.

For citation: Seliverstov Vyacheslav I., Grushin Fyodor V. Ensuring the rights of adult men serving their sentences in the context of the Nelson Mandela rules // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 34–40.

Введение. Настоящая статья является третьей в цикле статей, посвященных характеристике совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы, в контексте Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (далее – Правила Нельсона Манделы или просто – Правила). В предыдущих статьях была рассмотрена характеристика осужденных – совершеннолетних мужчин, отбывающих лишение свободы с учетом соблюдения основных принципов Правил Нельсона Манделы, а также реализации ключевых прав анализируемой категории осужденных в контексте Правил. В рамках данной статьи будет рассмотрено такое важнейшее направление как обеспечение социализации рассматриваемой категории осужденных в контексте Правил. Для этого в настоящей статье будут проанализированы отдельные материалы переписей осужденных 1999, 2009 и 2022 гг. [1, 2, 3, 4, 5, 6] с точки зрения соответствия деятельности исправительных учреждений для взрослых мужчин отдельным положениям Правил Нельсона Манделы в части обеспечения социализации. Учитывая ограниченность показателей характеристики осужденных, отраженных в специальных переписях, в данной научной статье будет проанализирован анализ реализации лишь тех норм Правил Нельсона Манделы, которые могут быть сопоставлены с материалами проведенных переписей.

Обсуждение и результаты. Достаточно трудно переоценить значение социализации осужденных, так как одной из основных целей наказания, как по уголовному, так и по

уголовно-исполнительному законодательству, является исправление осужденных. Кроме того, к задачам уголовно-исполнительного законодательства, в соответствии с ч. 2 статьи 1 УИК РФ, относится оказание осужденным помощи в социальной адаптации. В свою очередь, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает создание системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания, а также преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах пребывания осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Проблемам социализации осужденных к лишению свободы посвящены работы многих известных ученых и практиков. Так, рассматривая теоретические и методологические вопросы социализации личности осужденных, С.Х. Шамсунов утверждал, что «дальнейшее развитие пенитенциарных учреждений должно строиться в тесном сотрудничестве со службами социальной защиты, здравоохранения, образования и других ведомств, общественными и правозащитными организациями» [7]. Р.А. Ромашов выделял тюремную социализацию и посттюремную ресоциализацию, целью которой он видел «сохранение и восстановление социальных связей осужденного (подозреваемого, обвиняемого) с нормальным «свободным миром» [8]. Э.В. Зауторова и Ф.И. Кевля анализировали проблемы социализации несовершеннолетних осужденных [9]. В.И. Кузнецов рассматривал волонтерство как действенный метод социализации осужденных к лишению свободы [10].

Разработчики Правил напрямую связывают эффективность социализации с местом отбывания наказания, его удаленностью от места проживания. «Заклученные должны помещаться, по мере возможности, в тюремные учреждения, расположенные вблизи от их дома или места их социальной реабилитации» (правило 59 Правила Нельсона Манделы). Аналогичное требование содержится в ч. 1 статье 73 УИК РФ.

Таблица 1

Распределение осужденных в исправительных колониях по месту отбывания наказания на день переписи (%)

Место отбывания наказания	Перепись 1999 г.	Перепись 2009 г.	Перепись 2022 г.
в том районе (городе), где жил до ареста	15,4	20,5	22,7
не в том районе (городе), но в том же субъекте Российской Федерации, где имел постоянное место жительства	66,2	59,8	47,2
в другом субъекте Российской Федерации по месту осуждения	2,3	2,7	4,6
в другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения	12,8	15,0	23,7
не имел постоянного места жительства	3,3	2,0	1,8
Итого	100	100	100

Распределение осужденных в исправительных колониях по месту отбывания наказания происходит разнонаправленно. С одной стороны, увеличивается доля осужденных, отбывающих наказание в том районе (городе), где они жили до ареста – на 2,2 % относительно 2009 года и на 7,3 % относительно 1999 года. С другой стороны, более существенно увеличивается доля осужденных, отбывающих наказание в другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения – на 8,7 % относительно 2009 года и на 10,9 % относительно 1999 года. Полагаем, что данная тенденция связана с

увеличением доли осужденных, совершивших тяжкие преступления и преступления при особо опасном рецидиве, которые направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы (ч. 4 статьи 73 УИК РФ).

В качестве позитивной тенденции также можно отметить уменьшение доли осужденных, которые не имели постоянного места жительства до осуждения – на 0,2 % относительно 2009 года и на 1,5 % относительно 1999 года.

В рамках данной статьи в понятие социализации мы включили общественно-полезный труд осужденных, который способствует их социализации и исправлению. При этом в пенитенциарном сообществе труд осужденных к лишению свободы анализируется по самым различным направлениям. Так, О.Г. Ковалев анализирует организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы привлечения к общественно полезному труду [11]. Вопросы морального стимулирования к труду осужденных в местах лишения свободы рассматривали в своей статье А.И. Абатуров и Н.И. Нарышкина [12].

П.Н. Посмаков посвятил свои статьи анализу проблем привлечения осужденных к труду и развитию производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе [13, 14]. Соотношение трудового и уголовно-исполнительного законодательства при регулировании труда осужденных анализировалось Ю.Н. Строговичем и Р.М. Жилевым [15].

Повышенное внимание вопросам труда осужденных к лишению свободы уделяется и в Правилах Нельсона Манделы. По смыслу Правил Нельсона Манделы труд осужденных в местах лишения свободы носит обязательный характер – «на заключенных следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день» (правило 96 Правил Нельсона Манделы). «Обеспечиваемая заключенным работа должна быть, по мере возможности, такой, чтобы повышать или давать им квалификацию, позволяющую им заняться честным трудом после освобождения» (правило 98 Правил Нельсона Манделы).

В соответствии с российским законодательством «каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. Администрация ...обязана привлекать осужденных к труду» (ч. 1 статьи 103 УИК РФ). Проанализируем, как это реализуется на практике, а главное – какова динамика реализации этих норм международного и отечественного права в отношении осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях (таблица 2).

Таблица 2

Распределение осужденных в зависимости от обеспеченности работой на момент переписи (%)

Обеспеченность работой	Перепись 1999 г.	Перепись 2009 г.	Перепись 2022 г.
работает, трудом обеспечен постоянно	41,2	36,9	66,8
работает, но трудом обеспечен непостоянно из-за отсутствия достаточного объема работы	10,8	6,0	2,7
не работает постоянно из-за отсутствия достаточного объема работы	38,4	39,6	14,1
не работает, является инвалидом или пенсионером по возрасту	4,1	4,9	5,8
не работает, так как обучается в ПУ при ВК	0,4	2,5	0,7
не работает, так как систематически отказывается от работы	5,1	10,1	9,9
Итого	100	100	100

Относительно переписи 2009 года видна позитивная динамика по увеличению доли осужденных, постоянно обеспеченных работой, – на 29,9 %, а также по сокращению доли постоянно неработающих осужденных, из-за отсутствия достаточного объема работы – на 25,5 %. Незначительно увеличилось количество инвалидов и пенсионеров, имеющих право не работать – на 0,8 %. Достаточно высокой остается доля осужденных, отказывающихся от работы, – 9,9 %. В целом, ситуация с обеспеченностью осужденных к лишению свободы работой, соответствует международным стандартам.

На основании правила 103 Правил Нельсона Манделы заключенные должны получать справедливое вознаграждение за свой труд в рамках соответствующей системы. Аналогичная норма содержится в статье 105 УИК РФ – «осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде».

В соответствии с российским законодательством, после всех удержаний, не менее 25 % заработанных осужденным денег поступает на его лицевой счет. Суммы, находящиеся на лицевых счетах, позволяют в определенной степени судить о количестве и качестве труда, о «справедливости вознаграждения» за него. Хотя следует оговориться, что на лицевой счет осужденного могут поступать средства, переведенные родными и близкими. Кроме того, необходимо учитывать, что у пенсионеров и инвалидов лицевой счет формируется за счет поступлений из Социального фонда России

При сопоставлении показателей 1999, 2009 и 2022 годов, свидетельствующих о наличии денег на лицевых счетах осужденных, следует принимать во внимание изменения в финансово-экономической сфере государства (инфляция, рост цен и др.), то есть прямое сравнение в размере денежных средств на лицевых счетах осужденных будет не совсем корректным. Вместе с тем, если проанализировать три последние переписи осужденных по данному параметру, то можно увидеть явную положительную динамику. В 1999 году 72,1 % осужденных, к лишению свободы, не имели денег на лицевом счету, в 2009 году – 57,4 %, а в 2022 году – 39,0 %.

Выводы. На основании проведенного анализа можно прийти к следующим выводам.

1. Действующие нормативные документы, в том числе и международные, соотносятся между собой и предусматривают создание системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания.

2. Сравнительный анализ показателей характеристики совершеннолетних осужденных мужского пола, зафиксированных в специальных переписях 1999, 2009 и 2022 годов, показал последовательное следование основным принципам Правил Нельсона Манделы в сфере социализации осужденных к лишению свободы.

3. Распределение осужденных в исправительных колониях по месту отбывания наказания происходит разнонаправленно. С одной стороны, увеличивается доля осужденных, отбывающих наказание в том районе (городе), где жили до ареста, а с другой стороны, более существенно увеличивается доля осужденных, отбывающих наказание в другом субъекте Российской Федерации не по месту жительства и не по месту осуждения. При этом уменьшается доля осужденных, которые не имели постоянного места жительства до осуждения.

4. Прослеживается позитивная динамика по увеличению доли осужденных, постоянно обеспеченных работой, а также по сокращению доли постоянно неработающих осужденных из-за отсутствия достаточного объема работы. В качестве дестабилизирующих

факторов следует отметить достаточно высокую долю осужденных, отказывающихся от работы.

5. В целом видна позитивная тенденция и ситуация с обеспеченностью осужденных к лишению свободы работой, что соответствует международным стандартам.

Список используемой литературы

1. Селиверстов В.И. Специальные переписи осужденных: генезис, развитие и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 3. С. 133–147. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-3-8 EDN: TIGUCH.
2. Данилин Е.М., Зубков А.И., Казакова В.А., Михлин А.С., Пейсикова Е.В., Радкевич В.С., Селиверстов В.И., Яковлева Л.В. Характеристика осужденных к лишению свободы : По материалам специальной переписи 1999 г. Том 2. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом „Юриспруденция“», 2001. 464 с. EDN: MNBXCV.
3. Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под общ. ред. заслуженного юриста Российской Федерации Ю.И. Калинина; под науч. ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 937 с.; EDN: SUJKXJ.
4. Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). Монография : в 2 т. Т. 1 / под науч. ред. В.И. Селиверстова. Москва : Проспект, 2025. 912 с.; EDN: PMSTAU.
5. Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). Монография : в 2 т. Т. 2 / под науч. ред. В.И. Селиверстова. Москва : Проспект, 2025. 752 с.; EDN: TVTZCV.
6. Белова Е.Ю., Грушин Ф.В. Ельчанинова О.Ю. Характеристика содержания осужденных к лишению свободы с учетом международных стандартов // Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года) : монография: в 2 томах. Москва : Проспект, 2025. С. 683–746. EDN: FPYNLY.
7. Шамсунов С.Х. Теоретические и методологические вопросы социализации личности осужденных на современном этапе развития российской пенитенциарной системы // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1(1). С. 12–16. EDN: JXDYTL.
8. Ромашов Р. А. Пенитенциарная социализация и постпенитенциарная ресоциализация лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 7. С. 181–194. EDN: QYNGOG.
9. Зауторова Э. В. Кевля Ф.И. К вопросу о социализации осужденных несовершеннолетнего возраста // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 мая 2021 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». 2021. С. 522–524. EDN: PUMTCZ.
10. Кузнецов В.И. Волонтерство как действенный метод трудового перевоспитания и социализации осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : Материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 16–17 октября 2024 года. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. . 147–148. EDN: FILZYM.
11. Ковалев О. Г. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы привлечения к общественно полезному труду осужденных к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 459–464. DOI: 10.24412/2782-3849-2025-12-459-464 EDN: MBQQHV.
12. Абатуров А.И., Нарышкина Н.И. Вопросы морального стимулирования к труду осужденных в местах лишения свободы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 4(42). С. 5–11. EDN: LECJUQ.
13. Посмаков П.Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и основные проблемы (часть 1) // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 3. С. 265–271. DOI: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.265-271. EDN: PIXVLG.
14. Посмаков П.Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: предложения по повышению эффективности (часть 2) // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 4. С. 396–402. DOI: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.396-402 EDN: FWYIFX.
15. Строгович Ю.Н., Жилев Р.М. О некоторых вопросах правового регулирования труда осужденных к лишению свободы // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8–2(98). С. 129–132. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.056 EDN: ILSFOR.

References

1. Seliverstov V.I. Special censuses of convicts: genesis, development, and current status // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 2024. No. 3. pp. 133–147. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-3-8 EDN: TIGUCH;
2. Danilin E.M., Zubkov A.I., Kazakova V.A., Mikhlin A.S., Peisikova E.V., Radkevich V.S., Seliverstov V.I., Yakovleva L.V. Characteristics of persons sentenced to imprisonment: Based on the materials of the special census of 1999. Volume 2. Moscow: Limited Liability Company "Izdatsky Dom "Jurisprudence", 2001. 464 p. EDN: MHBXCV.
3. Convicted and Detained Persons in Russia. Based on the Materials of a Special Census of Convicted Persons and Detainees, November 12–18, 2009 / Edited by Honored Lawyer of the Russian Federation Yu. I. Kalinin; Scientific Editor: Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation V. I. Seliverstov. Moscow: Juriprudentsia Publishing House, 2012. 937 p.; EDN: SUJKXJ.
4. Convicted and Detained Persons in Russia (Based on the Materials of the Ninth Special Census of Convicted Persons and Detainees, December 2022). Monograph: in 2 volumes. Vol. 1 / Edited by V. I. Seliverstov. Moscow: Prospect, 2025. 912 p.; EDN: PMSTAU.
5. Convicted and Detained in Russia (Based on the Ninth Special Census of Convicted and Detained Persons, December 2022). Monograph: in 2 volumes. Vol. 2 / edited by V.I. Seliverstov. Moscow: Prospect, 2025. 752 p.; EDN: TVTZCV.
6. Belova E.Yu., Grushin F.V., Elchaninova O. Yu. Characteristics of the Conditions of Persons Sentenced to Imprisonment Taking into Account International Standards // Convicted and Detained in Russia (Based on the Ninth Special Census of Convicted and Detained Persons, December 2022): monograph: in 2 volumes. Moscow: Prospect, 2025. pp. 683–746. EDN: FPNYL.
7. Shamsunov S.Kh. Theoretical and Methodological Issues of Socialization of the Personality of Convicts at the Current Stage of Development of the Russian Penitentiary System // Criminal-Executive Law. 2006. No. 1(1). pp. 12–16. EDN: JXDYTL.
8. Romashov R.A. Penitentiary Socialization and Post-Penitentiary Resocialization of Persons Sentenced to Imprisonment // Legal Science: History and Modernity. 2018. No. 7. pp. 181–194. EDN: QYNGOG.
9. Zautorova E.V. Kevlya F.I. On the Socialization of Minor Convicts // Current Issues in the Activities of Penal System Units: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 20, 2021. Voronezh: Publishing and Printing Center "Nauchnaya Kniga". 2021. pp. 522–524. EDN: PUMTCZ.
10. Kuznetsov V.I. Volunteering as an Effective Method of Labor Re-education and Socialization of Persons Sentenced to Imprisonment // The Penal System Today: Interaction of Science and Practice: Materials from the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Novokuznetsk, October 16–17, 2024. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. . 147–148. EDN: FILZYM.
11. Kovalev O.G. Organizational, legal and psychological-pedagogical issues of involving convicts in socially useful work // International Scientific Bulletin. 2025. No. 12. pp. 459–464. DOI: 10.24412/2782-3849-2025-12-459-464 EDN: MBQQHV.
12. Abaturov A.I., Naryshkina N.I. Issues of moral incentives for work of convicts in places of deprivation of liberty // Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4(42). pp. 5–11. EDN: LECJUQ.
13. Posmakov P.N. Involvement of convicts in labor and development of production activities in the penal system: current state and main problems (part 1) // Criminal Executive Law. 2020. Vol. 15. No. 3. pp. 265–271. DOI: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.265-271. EDN: IIXVLG.
14. Posmakov P.N. Involvement of convicts in labor and development of production activities in the penal system: proposals for improving efficiency (part 2) // Criminal Executive Law. 2020. Vol. 15. No. 4. pp. 396–402. DOI: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.396-402 EDN: FWYIFX.
15. Strogovich Yu. N., Zhilyaev R.M. On some issues of legal regulation of labor of persons sentenced to imprisonment // International Research Journal. 2020. No. 8–2(98). Pp. 129–132. DOI: 10.23670/IRJ.2020.98.8.056 EDN: ILSFOR.

Храмов Александр Александрович

доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества
ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России, кандидат юридических наук

Новокузнецк
Российская Федерация

Khramov Alexander A.

Associate Professor of the Department of Criminal Executive Law and Organization of Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from Society Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Candidate of Legal Sciences

Novokuznetsk
Russian Federation

Статья поступила
в редакцию: 01.02.2026
одобрена после
рецензирования
24.03.2026
принята к публикации
25.03.2026

✉ Khramov_alexandr@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ): 6116-3666

УДК 343.3

Доктринальная неопределенность институтов уголовно-исполнительного права в судебной практике: от терминологической многозначности к системным противоречиям

Doctrinal uncertainty of institutions of criminal executive law in judicial practice: from terminological polysemy to systemic contradictions

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием, вслед за наукой и законодательством, единого подхода к пониманию институтов уголовно-исполнительного права в судебной практике. Особую роль в разрешении данного вопроса играют решения Конституционного Суда, поскольку они оказывают непосредственное влияние на правоприменение, дальнейшие научные разработки в рассматриваемой сфере и формирование уголовно-исполнительного законодательства.

Цель исследования заключается в анализе текста конкретных решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также судов общей юрисдикции, в которых встречается термин «институт» применительно к уголовно-исполнительному праву.

Выводы. Анализ судебной практики показал, что зачастую в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции термин «институт уголовно-исполнительного права» используется без достаточной научной обоснованности, негативно влияя не только на определение институтов исследуемой отрасли, их разграничение от институтов других отраслей права, но и на совершенствование действующего уголовно-исполнительного законодательства и принимаемых в соответствии с ним подзаконных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: институты права, институты уголовно-исполнительного права, решения Конституционного Суда Российской Федерации, суды общей юрисдикции.

Annotation. Relevance. The importance of the study is determined by the absence of a unified approach to understanding the institutions of criminal executive law in judicial practice, which follows both science and legislation. A particular role in addressing this issue is played by the decisions of the Constitutional Court, as they directly influence law enforcement practices, subsequent scientific developments in this area, and the formation of criminal executive legislation.

The purpose of this paper is to analyze the text of specific decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as well as courts of general jurisdiction where the term “institution” is used with reference to criminal executive law.

Conclusions. Analysis of judicial practice has shown that often in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction, the term “institution” of criminal executive law is used without sufficient scientific justification, negatively affecting not only the definition of institutions of the studied branch, their differentiation from institutions of other branches of law, but also the improvement of current criminal executive legislation and subordinate normative legal acts adopted pursuant thereto.

Key words: Institutions of Law, Institutions of Criminal Executive Law, Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, Courts of General Jurisdiction

Для цитирования: Храмов А.А. Доктринальная неопределенность институтов уголовно-исполнительного права в судебной практике: от терминологической многозначности к системным противоречиям // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 41–46.

For citation: Khramov Alexander A. Doctrinal uncertainty of institutions of criminal executive law in judicial practice: from terminological polysemy to systemic contradictions // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 41–46.

Введение. Проблема определения и последующего законодательного оформления институтов права занимает центральное место в юридической науке, поскольку правильное понимание и четкое закрепление юридических конструкций являются основой эффективного функционирования системы права и входящих в нее отраслей [1, с. 28–29]. Это особенно актуально для уголовно-исполнительного права, которое хоть традиционно и регулирует сферу исполнения уголовных наказаний и иных уголовно-правовых мер, однако в перспективе при определенных условиях может расширить предмет своего регулирования за счет включения «допенальных» и «постпенальных» отношений [2, с. 212–218, 3, 4].

К сожалению, как показало исследование, вслед за наукой уголовно-исполнительного права [5], единство в определении институтов рассматриваемой отрасли отсутствует и в судебной практике. Речь, в первую очередь, идет о решениях Конституционного суда Российской Федерации, который играет ключевую роль в обеспечении соответствия законов Конституции Российской Федерации, оказывая существенное влияние не только на практику применения законодательства, определяя доктрину и развитие судебной практики, но на формирование законодательства, в том числе – криминального цикла [6, 7]. В конечном итоге это негативно влияет не только на определение институтов уголовно-исполнительного права судами нижестоящих инстанций, их разграничение от институтов других отраслей права, но и на совершенствование действующего уголовно-исполнительного законодательства и принимаемых в соответствии с ним подзаконных нормативных правовых актов.

Обсуждение и результаты. Анализ решений Конституционного Суда позволяет сделать вывод, что в них, в отличие от юридической литературы, термин «институт» в контексте уголовно-исполнительного права не так часто, но все же используется для обозначения определенной совокупности норм, регулирующих те или иные отношения, прямо или косвенно связанные с исполнением уголовных наказаний, и соединяемые с ними иные меры исправительно-предупредительного воздействия.

Так, в 2016 году в одном из своих определений по делу о проверке конституционности п. «б» ч. 3 статьи 125 и ч. 3 статьи 127 УИК РФ в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой Конституционный Суд Российской Федерации отнес к числу важнейших элементов уголовно-исполнительного правового регулирования «*институты воспитательного воздействия* (включая меры поощрения и взыскания) и *перевода осужденных из одних условий отбывания наказания в другие*». Указанные институты, по мнению суда, «не только потенциально способствуют исправлению осужденного, но и призваны обеспечивать реализацию прав членов его семьи в *сфере семейных отношений*»¹. Таким образом, в конституционной судебной

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 24-П По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно- © Храмов А.А.

практике впервые с момента введения в действие нового УИК РФ и принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актов был выделен ряд «институтов» уголовно-исполнительного правового регулирования, а также отмечена их роль в реализации цели исправления осужденных. К сожалению, несмотря на всю важность данного решения для развития науки уголовно-исполнительного права и практики его применения, оно не приблизило к разрешению проблемы определения его системообразующих элементов. Напротив, определение КС РФ поставило перед учеными ряд дополнительных вопросов: какова система институтов воспитательного воздействия и изменения условий отбывания наказания; является ли правовое регулирование мер поощрений и взысканий осужденных одним институтом или двумя самостоятельными; какие институты помимо мер поощрения и взыскания входят в систему институтов воспитательного воздействия? Наконец, неоспорной представляется позиция суда относительно выделения в качестве одной из целей обозначенных институтов уголовно-исполнительного права обеспечение реализации семейных отношений. Представляется, что таковая не может выходить за рамки общих целей уголовно-исполнительного правового регулирования, установленных законодателем в ч. 1 статьи 1 УИК РФ.

При рассмотрении проблем понимания институтов уголовно-исполнительного права нельзя обойти стороной особое мнение одного из судей КС РФ по определению от 01.11.2007 № 948-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А. на нарушение его конституционных прав, предусмотренных п. «д» ч. 1 статьи 115, статьями 117 и 119 УИК РФ», в котором Н.С. Бондарем выделяется еще один специфичный для рассматриваемой отрасли права «институт» – *перевода осужденного в единое помещение камерного типа (ЕПКТ)*. По мнению автора, особенности юридической природы данного «института» выражаются в изменении правового положения осужденного в связи с применением к нему соответствующей меры взыскания, а также реализации юридической ответственности в виде ограничения свободы в соответствии с конституционными принципами и международными стандартами². Таким образом, сравнивая между собой текст вышеупомянутого решения КС РФ и особого мнения Н.С. Бондаря, можно прийти к выводу об отсутствии среди судей органа конституционного контроля единой позиции относительно сущности институтов уголовно-исполнительного права, причем, в некоторых случаях прямо противоречащих друг другу. Тому наглядный пример – выделение двух самостоятельных и обособленных друг от друга «институтов» мер взыскания и перевода осужденного в ЕПКТ. Учитывая, что в настоящее время перевод осужденного в ЕПКТ является одной из мер взыскания, предусмотренных статьей 115 УИК РФ, вряд ли можно выделить порядок ее исполнения в отдельный институт. При таком широком подходе к пониманию сущности институтов уголовно-исполнительного права правовое регулирование мер взыскания должно будет являться его подотраслью, а мер воспитательного воздействия (в широком смысле) – целой отраслью, что противоречит ч. 2 статьи 2 УИК РФ. С этим согласны и другие ученые, выделяющие в целом институт применения мер взыскания [8].

исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // СПС КонсультантПлюс.

Аналогичные «институты» уголовно-исполнительного права спустя два года выделил КС РФ и в своем определении от 17.07.2018 № 2002-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тетерина Михаила Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по определению Конституционного Суда Российской Федерации от 01.11.2007 № 948-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 115, статьями 117 и 119 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

© Храмов А.А.

Помимо сугубо «уголовно-исполнительных» и «уголовно-правовых»³ институтов КС РФ в своих решениях отмечает существование в действующей правовой системе и так называемых межотраслевых институтов. В качестве такового в своем определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Л. на нарушение его конституционных прав положениями статей 396, 397 УПК РФ, постановлением Государственной Думы от 18.12.2013 № 3503-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации» КС РФ выделил «институт амнистии, который включает в себя нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права»⁴. На наш взгляд, данная позиция также не совсем верна, поскольку судом необоснованно отождествляются понятие «уголовно-исполнительной нормы» и нормы, расположенной в системе уголовно-исполнительного законодательства. Последняя, как уже нами ранее было сказано, может и не охватываться предметом уголовно-исполнительного правового регулирования в силу особенностей (как правило, негативных) кодификации российского законодательства⁵.

Что касается практики судов нижестоящих инстанций⁶, то она по вполне понятным причинам также пошла по пути необоснованно широкого, достаточно неопределенного, и в отдельных случаях – противоречивого подхода к установлению «институтов» уголовно-исполнительного права.

В частности, выделяя «уголовно-исполнительный правовой институт поощрения осужденных за состоявшиеся в них позитивные изменения», некоторые суды подразумевают под ним условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В свою очередь, ряд других судов считает, что данные основания освобождения от дальнейшего отбывания наказания и их реализация являются самостоятельными поощрительными институтами уголовного права, а вот изменение режима отбывания наказания уже относится исключительно к уголовно-исполнительному праву. Наконец, существует в судебной практике и позиция, в соответствии с которой, например, условно-досрочное освобождение содержит в себе «признаки комплексного правового института, поскольку основания, условия и порядок его применения закреплены в действующем законодательстве разной отраслевой природы». Таким образом, можно сделать вывод, что в судебной практике не сложилось единой позиции в части определения места условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части

³ Более подробно о таких институтах уголовного права см., например: Постановление КС РФ от 11.12.2014 по делу «О проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа»; Определение КС РФ от 17.07.2018 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андроникова Егора Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Определение КС РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фролова Леонида Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, постановления Государственной Думы от 18 декабря 2013 года № 3503-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ При таком подходе совокупность норм различных отраслей законодательства, регулирующих помилование, смягчение наказания, условно-досрочное освобождение осужденных и другие сферы по аналогии следовало бы называть межотраслевым институтом уголовно-исполнительного права, что вряд ли научно обоснованно и претендует на звание «истины».

⁶ Были проанализированы решения судов, представленные в база судебных актов, судебных решений на сайте «Судебные и нормативные акты РФ» <https://sudact.ru/>, в которых термин «институт» используется в контексте уголовно-исполнительного права и смежных отраслей криминального цикла.

© Храмов А.А.

наказания более мягким видом в системе права: признавать их самостоятельными «институтами» либо «субинститутами поощрения осужденных»; относить их к уголовному праву, уголовно-исполнительному праву либо считать межотраслевыми.

Нет единой позиции в судебной практике и в части отнесения к той или иной отрасли права амнистии. Несмотря на существующее определение КС РФ от 16.07.2015 № 1729-О, в котором амнистия признается межотраслевым институтом конституционного права и отраслей криминального цикла, судами общей юрисдикции делаются как аналогичные выводы (со ссылкой на решение КС РФ), так и другие. Одним из таких примеров служит апелляционное постановление Ставропольского краевого суда по делу № 22-4819/2017, в котором суд выделил «отнесенные законодателем к главе 13 УК РФ *уголовно-правовые институты амнистии, помилования и судимости*». Не вдаваясь в подробности многолетней дискуссии относительно установления юридической природы данных отношений, мы лишь считаем не совсем верным отождествление отдельных статей и глав закона с институтами права, даже, если единственным источником этой отрасли является кодифицированный акт (в данном случае УК РФ).

Выводы. Исследование выявило ряд существенных проблем, связанных с определением институтов уголовно-исполнительного права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, а также федеральных судов общей юрисдикции. Несмотря на наличие отдельных попыток определить структуру и содержание данных институтов, наблюдается отсутствие единства взглядов вслед за наукой и законодательством. Анализ конкретных решений Конституционного Суда Российской Федерации показал, что они зачастую содержат недостаточные разъяснения относительно понятия и содержания институтов уголовно-исполнительного права. Например, выделение института применения отдельной меры взыскания к осужденным к лишению свободы вызывает сомнения в правильности классификации и взаимосвязанности этих структурных единиц уголовно-исполнительного законодательства. Подобная ситуация свидетельствует о необходимости выработки согласованной методологии определения институтов уголовно-исполнительного права, основанной на научных исследованиях не только в общей теории права, но и отраслевых науках. Другой важной проблемой здесь является отсутствие единства мнений относительно существования межотраслевых институтов. Практика Конституционного Суда Российской Федерации демонстрирует недостаточную точность в их идентификации и характеристике. Например, институт амнистии упоминается как межотраслевой, включающий нормы разных областей права, что усложняет процесс выявления границ компетенции каждого отдельного института. Судебная практика низших уровней отражает аналогичную тенденцию отсутствия единого подхода к определению институтов уголовно-исполнительного права.

Таким образом, актуальным направлением дальнейших исследований в данной области является разработка комплексной методики определения и систематизации институтов уголовно-исполнительного права, позволяющей эффективно классифицировать и интерпретировать правовые конструкции, используемые в судебной практике и отраслях криминального цикла. Впоследствии это может положительно повлиять на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства, в том числе в контексте идеи проведения новой кодификации законодательства, о которой все чаще говорят авторитетные ученые-пенитенциаристы. Необходимо дальнейшее обсуждение роли Конституционного Суда Российской Федерации в определении институтов уголовно-исполнительного права и смежных отраслей, обеспечивающих повышение качества законотворчества и справедливое применение норм права.

Список используемой литературы

1. Джапилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 1, № 2. С. 22–31. EDN: YXCDDL.
2. Уткин В.А. «Интегративное» уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 3. С. 31–33. DOI: 10.18572/2072-4438-2019-3-31-33 EDN: ZFFRDV.
3. Грушин Ф.В. Перспективы развития предмета уголовно-исполнительного права // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 514. С. 212–218. DOI: 10.17223/15617793/514/24 EDN: JRXRPC.
4. Южанин В.Е. Перспективы расширения предмета отрасли уголовно-исполнительного права // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 10(155). С. 114–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.155.10.114-122 EDN: IUUIUQ.
5. Храмов А.А. Проблема понимания институтов уголовно-исполнительного права // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2(2). С. 32–38. EDN: UEMVMX.
6. Горяшин И.А. Роль постановлений Конституционного суда РФ в совершенствовании и развитии Уголовного законодательства России // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5-3(61). С. 51–58. EDN: CLBABR.
7. Якимович Ю.К. Роль Конституционного Суда в становлении и развитии современного уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 104–107. EDN: NBIMNH.
8. Лазарев А.В., Лунгу Е.В. Конституционные принципы и их реализация в деятельности учреждений ФСИН России // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара, 27 апреля 2018 года. Том Часть 2. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 93–96. XWLBXN.

References

1. Dzhililova E.A. Problems of Defining the Concept and Essence of the Institution of Law // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatischev. 2018. Vol. 1, No. 2. pp. 22–31. EDN: YXCDDL.
2. Utkin V.A. “Integrative” Criminal-Executive Law // Criminal-Executive System: Law, Economics, Management. 2019. No. 3. pp. 31–33. DOI: 10.18572/2072-4438-2019-3-31-33 EDN: ZFFRDV.
3. Grushin F.V. Prospects for the Development of the Subject of Criminal-Executive Law // Bulletin of Tomsk State University. 2025. No. 514. pp. 212–218. DOI: 10.17223/15617793/514/24 EDN: JRXRPC.
4. Yuzhanin V.E. Prospects for Expanding the Subject of the Branch of Criminal-Executive Law // Lex Russica (Russian Law). 2019. No. 10(155). Pp. 114–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.155.10.114-122 EDN: IUUIUQ.
5. Khramov A.A. The Problem of Understanding the Institutions of Criminal-Executive Law // Scientific Studies of Crime and Punishment. 2025. No. 2(2). Pp. 32–38. EDN: UEMVMX.
6. Garyashin I.A. The Role of the Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation in Improving and Developing the Criminal Legislation of Russia // Current Scientific Research in the Modern World. 2020. No. 5-3(61). pp. 51–58. EDN: CLBABR.
7. Yakimovich Yu.K. The Role of the Constitutional Court in the Formation and Development of Modern Criminal Procedure Legislation of Russia // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 333. pp. 104–107. EDN: NBIMNH.
8. Lazarev A.V., Lungu E.V. Constitutional Principles and Their Implementation in the Activities of Institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Problems and Prospects for the Development of the Criminal-Executive System of Russia at the Current Stage: Proceedings of the International Scientific Conference of Adjuncts, Postgraduates, Cadets, and Students. Samara, April 27, 2018. Volume Part 2. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. Pp. 93–96. XWLBXN.

Царева Елена Александровна

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент

Москва
Российская Федерация

Tsareva Elena A.

Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement of the Law Institute of the Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport» (RUT)
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Moscow
Russian Federation

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026
одобрена после рецензирования 24.03.2026
принята к публикации 25.03.2026

✉ kadaneva_elena@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ): 6845-7589

УДК 343.8

Особенности применения средств исправления в отношении осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, содержащихся в колонии-поселении

Features of the application of correctional measures in relation to those convicted of violating traffic rules and operating vehicles, held in a penal colony

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения эффективности применения указанных Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации средств исправления к осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении за совершение нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, с целью сокращения дальнейшего рецидива данных преступлений.

Цель исследования – определить содержание средств исправления в отношении осужденных по статье 264 УК РФ, отбывающих лишение свободы в колонии-поселении, а также выявить, применение какого средства исправления будет более приоритетным на основании анализа характеристик личности осужденного: режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, профессиональное обучение или общественное воздействие.

Выводы. Колония-поселение как вид исправительного учреждения для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств представляет собой учреждение с эффективным исправительным воздействием. Наиболее приоритетными средствами исправления для исследуемой категории осужденных, исходя из анализа их демографических и уголовно-правовых признаков, следует признать воспитательную работу, получение общего образования, профессиональное обучение и общественно полезный труд.

Ключевые слова: колония-поселение, средства исправления, осужденные за нарушение правил дорожного движения, статья 264 УК РФ.

Annotation. The relevance of the topic is due to the need to improve the effectiveness of the application of the means of correction specified by the Criminal Executive Code of the Russian Federation to convicts serving a criminal sentence in the form of imprisonment in a penal colony for violating traffic rules and the operation of vehicles, in order to reduce further recidivism of these crimes.

The purpose of this study is to determine the content of correctional measures for those convicted under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation serving a prison sentence in a penal colony,

© Царева Е.А.

and to identify which correctional measures would be the most appropriate based on an analysis of the convict's personality characteristics: regime, educational work, socially useful work, vocational training or social influence.

Conclusions. A penal colony as a type of correctional institution for the execution of a criminal sentence in the form of imprisonment for those convicted of violating traffic rules and operating vehicles is an institution with an effective correctional impact. The most effective means of correction for the category of convicts under study, based on the analysis of their demographic and criminal-legal characteristics, should be recognized as educational work, obtaining a general education, vocational training and socially useful work.

Key words: penal colony, correctional facilities, persons convicted of violating traffic rules, Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Для цитирования: Царева Е.А. Особенности применения средств исправления в отношении осужденных за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, содержащихся в колонии-поселении // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 47–52.

For citation: Tsareva Elena A. Features of the application of correctional measures in relation to those convicted of violating traffic rules and operating vehicles, held in a penal colony // Scientific crime and punishment journal. No 1 (5). 2026. P. 47–52.

Введение. По статистическим данным Судебного Департамента Верховного суда Российской Федерации за первую половину 2025 года по ч. 1 статьи 264 УК РФ всего было осуждено 1 611 человек, из них основным видом наказания судом были определены лишение свободы 7 осужденным, условное осуждение – 27, ограничение свободы – 1 389, исправительные работы – 6, обязательные работы – 11, принудительные работы – 9, штраф – 99. За аналогичный период по ч. 2 статьи 264 УК РФ было назначено лишение свободы – 147 осужденным, условное осуждение – 411, ограничение свободы – 16, исправительные работы – 3, обязательные работы – 3, принудительные работы – 245, штраф – 2. По ч. 3 статьи 264 УК РФ лишение свободы было назначено 382 осужденным, условное осуждение – 725, ограничение свободы – 12, исправительные работы – 4, обязательные работы – 1, принудительные работы – 310, штраф – 3. По ч. 4 статьи 264 УК РФ лишение свободы было назначено 395 осужденным, условное осуждение – 47, принудительные работы – 1. По ч. 5 статьи 264 УК РФ лишение свободы было назначено 110 осужденным, условное осуждение – 18, принудительные работы – 16. По ч. 6 статьи 264 УК РФ лишение свободы было назначено 29 осужденным¹. Исходя из представленных данных, выявлена тенденция увеличения назначения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок в связи с увеличением общественной опасности совершенного преступления и изменения его категории в сторону более тяжкого. Представляется актуальным исследование вопроса повышения эффективности средств исправления в отношении осужденных по статье 264 УК РФ к реальному лишению свободы.

Обсуждение и результаты. По мнению С.А. Красенковой уголовная ответственность по статье 264 УК РФ наступает при причинении человеку тяжкого вреда здоровью, либо по неосторожности – смерти, если указанные последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Специфика данной статьи состоит в том, что преступление предполагается неосторожным, и даже несмотря на то, что его последствием является, порой, смерть, общественная опасность такого деяния невелика. В случае назначения наказания

---

¹ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 6 месяцев 2025 года. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://cdcrp.ru/index.php?id=79&item=9303>. (дата обращения: 29.01.2026).

в виде реального лишения свободы в качестве исправительного учреждения для осужденного определяется колония-поселение и лишь в отдельных случаях – исправительная колония общего режима [1].

Да, действительно, высказанное положение находит отражение в статистических данных.

За нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в том числе лицом, находящимся в состоянии опьянения (ч. 1, 2 статьи 264 УК РФ) за первую половину 2025 года колония-поселение была назначена 117 осужденным, колония общего режима – 19.

За нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, в том числе лицом, находящимся в состоянии опьянения (ч. 3, 4 статьи 264 УК РФ) за первую половину 2025 года колония-поселение была назначена 644 осужденным, колония общего режима – 85.

За нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть или более лиц, в том числе лицом, находящимся в состоянии опьянения (ч. 5, 6 статьи 264 УК РФ) за первую половину 2025 года колония-поселение была назначена 120 осужденным, колония общего режима – 17².

Выбор правоприменителем исправительного учреждения в виде колонии-поселения в большинстве случаев назначения наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы вполне понятен, несмотря на то, что фактически в данном учреждении осужденный не изолируется от общества.

Следует согласиться с мнением С.М. Савушкина о том, что на сегодняшний день законодательно определенные требования, обеспечивающие изоляцию, отсутствуют. Помимо этого, представляется, что общение осужденных с внешним миром не является элементом наказания, а усиливает положительный эффект механизма достижения целей законодательства в вопросах исправления [2].

Статья 6 УИК РФ определяет 6 основных средств исправления осужденных:

- установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим);
- воспитательная работа;
- общественно полезный труд;
- получение общего образования;
- профессиональное обучение;
- общественное воздействие.

Законодатель определяет, что средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

В связи с указанными предписаниями законодателя необходимо выявить особенности применения каждого средства исправления, учитывая исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении в отношении осужденных за совершение нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которых можно отнести к неосторожному виду преступников со специфическими характеристиками личности.

---

² Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 6 месяцев 2025 года. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303>. (дата обращения: 29.01.2026).

© Царева Е.А.

Режим как средство исправления осужденных за транспортные преступления лиц, содержащихся в колонии-поселении, не имеет решающее значение для достижения целей уголовного наказания в отношении указанной группы осужденных. По утверждению А.А. Искарова, колонии-поселения являются исправительным учреждением с наиболее мягкими условиями отбывания наказания по сравнению с иными пенитенциарными учреждениями. Лица, отбывающие наказание в данных исправительных учреждениях, испытывают на себе минимальные требования изоляции, что заключается в отсутствии вооруженной охраны осужденных, поскольку они содержатся под надзором администрации данных учреждений; в часы от подъема до отбоя они пользуются правом свободного передвижения в пределах всей территории колонии; носят гражданскую форму одежды и т.д [3].

Следует возлагать больше надежд на такое средство исправления, как воспитательная работа. От реализации данного воздействия на осужденных за транспортные преступления будет зависеть степень их исправления, дальнейшее правопослушное поведение и отсутствие рецидива. Эффективность воспитательной работы во многом зависит от характеристики личности, в отношении которой она проводится.

А.В. Мусалева считает, что колонии-поселения можно назвать ступенью, которая определяет дальнейшую жизнь осужденного: осознал ли он содеянное, исправился ли, допустит ли совершение преступления в дальнейшем? Воспитательная работа с такими осужденными должна иметь дифференцированный характер: необходимо учитывать гендерные и возрастные признаки, характеристику совершенного им преступления, характер и меру наказания, криминальный опыт, личностные особенности и поведение во время отбывания наказания [4].

По уголовно-правовым характеристикам осужденных по статье 264 УК РФ не следует характеризовать как криминально запущенных и не поддающихся воспитательной работе, поскольку всего по данной статье было осуждено 4 512 человек за 6 месяцев 2025 года, при этом из них лишь 215 имели неснятые или непогашенные судимости на момент судебного разбирательства и 221 юридически несудимых (судимости сняты или погашены).

По демографическим признакам большинство осужденных за нарушение правил дорожного движения, отбывающих лишение свободы в колонии-поселении, представлены следующими группами: мужчины, возраст на момент совершения преступления 30–39 лет, постоянные жители данной местности, преимущественно со средним профессиональным образованием, по роду занятий большинство осужденных – рабочие и трудоспособные лица без постоянного источника дохода³.

Общественно полезный труд может выступать одним из главных средств исправления для осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении, поскольку административно-режимные требования и организация деятельности колонии-поселения предполагают практически полное трудоустройство. Исходя из демографических характеристик исследуемой категории осужденных, усматривается практически полная их трудоспособность.

О.Г. Ковалев утверждает, что для привлечения осужденных к лишению свободы к общественно-полезному труду администрация исправительного учреждения опирается на социально-демографическую и психологическую характеристики осужденных, подготовленных в процессе их психодиагностики, которая проводится еще на стадии их пребывания в карантинном отделении исправительного учреждения [5].

³ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 6 месяцев 2025 года. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303> (дата обращения: 29.01.2026).

© Царева Е.А.

Получение общего образования и профессиональное обучение как средства исправления будут актуальны лишь для некоторых категорий осужденных, поскольку за первую половину 2025 года осужденные за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств представлены следующими группами по образованию осужденных: высшее профессиональное – 983 осужденных, среднее профессиональное – 1 831, среднее общее – 1 261, основное общее, начальное или нет образования – 437⁴.

По мнению О.Б. Пановой, отношение осужденных к получению среднего профессионального образования и профессиональному обучению учитывается при определении степени их исправления, чем утверждается важность профессионального образования, обусловленная тем, что отсутствие профессии минимизирует уровень заинтересованности осужденного в трудовой занятости и возможности устроиться на работу после освобождения из ИУ [6].

Что касается общественного воздействия как средства исправления, то сложившаяся практика деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, свидетельствует об активном участии граждан и общественных организаций в различных направлениях процесса исполнения наказаний и исправления осужденных. Так, с исправительными учреждениями взаимодействуют более 200 общественных организаций, осуществляющих программы по таким направлениям как: подготовка осужденных к освобождению; социальная адаптация и реабилитация; профессиональная подготовка; трудоустройство; организация досуга; спортивная работа; оказание помощи по улучшению условий отбывания наказания и многие другие [7].

Заключение. Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлен факт того, что колония-поселение как вид исправительного учреждения для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств представляет собой учреждение с эффективным исправительным воздействием. Наиболее приоритетными средствами исправления для исследуемой категории осужденных, исходя из анализа их демографических и уголовно-правовых признаков, следует признать воспитательную работу, получение общего образования, профессиональное обучение и общественно полезный труд.

Список используемой литературы

1. Красненкова С.А. Изучение личностных особенностей виновников дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями // Психология личности: разные ракурсы анализа. Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 111–117. EDN: TLMURZ.
2. Савушкин С.М. О видах исправительных учреждений // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 4 (56). С. 742–752. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742-752 EDN: SEHEXM.
3. Исков А.А. Режим отбывания наказания в колониях-поселениях // Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники : сборник статей Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 20 ноября 2023 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна»/ 2023. С. 87–89. EDN: YSUUXM.
4. Мусалева А.В. Воспитательная работа как средство исправления осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 51–55. DOI: 10.37523/SUI.2020.41.5.008 EDN: CMZAZV.

---

⁴ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 6 месяцев 2025 года. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303> (дата обращения: 29.01.2026).
© Царева Е.А.

5. Ковалев О.Г. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы привлечения к общественно полезному труду осужденных к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 459–464. DOI: 10.24412/2782-3849-2025-12-459-464 EDN: MBQQHV.

6. Панова О.Б. Профессиональное обучение и его роль в исправлении лиц, осужденных к лишению свободы // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 2 ч., Вологда, 27 октября 2023 года. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 196–200. EDN: XFCCER.

7. Попова Е.Э. Концепция развития общественного воздействия как средства исправления осужденных - объективная необходимость современности // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах, Рязань, 21–23 ноября 2017 года. Том 8. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2017. С. 211–214. EDN: YTWRRQ.

References

1. Krasnenkova S.A. Study of personality traits of those responsible for serious road accidents // Personality Psychology: Different Analysis Perspectives. Humanitarian Vector. 2015. No. 1 (41). Pp. 111–117. EDN: TLMURZ.

2. Savushkin S.M. On types of correctional institutions // Penitentiary Science. 2021. Vol. 15. No. 4 (56). Pp. 742–752. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742-752 EDN: SEHEXM.

3. Iskarov A.A. The regime of serving sentences in penal colonies // Scientific research of higher education in priority areas of science and technology: collection of articles from the International scientific and practical conference, Novosibirsk, November 20, 2023. Ufa: Limited Liability Company "Aeterna" / 2023. Pp. 87–89. EDN: YSUUXM.

4. Musaleva A.V. Educational work as a means of correcting convicts serving sentences in penal colonies // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 5(41). Pp. 51–55. DOI: 10.37523/SUI.2020.41.5.008 EDN: CMZAZV.

5. Kovalev O.G. Organizational, legal and psychological-pedagogical issues of attracting persons sentenced to imprisonment to socially useful work // International Scientific Bulletin. 2025. No. 12. pp. 459–464. DOI: 10.24412/2782-3849-2025-12-459-464 EDN: MBQQHV.

6. Panova O. B. Vocational training and its role in the correction of persons sentenced to imprisonment // The penitentiary system of Russia in the modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to correction and resocialization: collection of materials from the international scientific and practical conference: in 2 parts, Vologda, October 27, 2023. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2024. pp. 196–200. EDN: XFCCER.

7. Popova E.E. "The Concept of Developing Social Influence as a Means of Correcting Convicts: An Objective Necessity of Our Time," in III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (on the 20th Anniversary of the Entry into Force of the Criminal Executive Code of the Russian Federation). A Collection of Abstracts of Participants' Presentations and Reports. Published in 8 volumes, Ryazan, November 21–23, 2017. Vol. 8. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. 2017, pp. 211–214. EDN: YTWRRQ.

Пантюхин Константин Юрьевич

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

Москва
Российская Федерация

Pantyukhin Konstantin Yu.

Associate Professor, Department of Operational-Investigative Activities and Specialized Equipment, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Moscow
Russian Federation

Статья поступила
в редакцию:
03.02.2026

одобрана после
рецензирования
16.03.2026

принята
к публикации
17.03.2026

✉ pantihin02@mail.ru
SPIN-код (РИНЦ): 7734-9995

Овечкин Евгений Владимирович

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

Москва
Российская Федерация

Ovechkin Evgeny V.

Lecturer in the Department of Operational-Investigative Activities and Specialized Equipment at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Moscow
Russian Federation

✉ evgenovech@yandex.ru
SPIN-код (РИНЦ) 8489-9620

УДК 343.98

**Дифференциация выявления и документирования
преступлений в сфере алкогольного рынка:
методологические основания и практическая значимость**

**Differentiation of detection and documentation
of crimes in the sphere of the alcohol market: methodological
foundations and practical significance**

Аннотация. В статье исследуется понятие выявления преступлений в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Анализируются теоретические подходы к понятию выявления преступлений в разрезе теории оперативно-розыскной деятельности и особенностей оборота алкогольной продукции. Определены отличие от документирования и реализации результатов оперативно-розыскной деятельности, специфика проявления в преступлениях, связанных с незаконным оборотом алкоголя, а также критерии завершенности выявления и ее значение для организации дальнейшей деятельности оперативных подразделений.

Актуальность. Сфера производства и оборота алкогольной продукции характеризуется высокой латентностью и использованием легальных форм предпринимательства для маскировки криминальных схем. В этих условиях традиционные подходы к выявлению преступлений требуют переосмысления, смещая фокус с реактивной фиксации фактов на глубокое аналитическое познание.

Цель. Теоретико-методологическое обоснование выявления преступлений как самостоятельной стадии оперативно-розыскного процесса и раскрытие его специфики применительно к противодействию незаконному обороту этилового спирта и алкогольной продукции.

Результаты. В статье разграничены понятия «выявления-задачи» и «выявления-стадии», определены границы последней и критерии ее завершенности. Автором выделены специфические маркеры преступной деятельности – «хозяйственные аномалии» (технологические, логистические и цифровые несоответствия), выявление которых составляет содержание аналитической работы на начальном этапе оперативно-розыскного процесса. Обоснована концепция «оперативного фильтра», позволяющая оптимизировать ресурсы правоохранительных органов и предотвратить необоснованное вмешательство в законную предпринимательскую деятельность. Сформулирован вывод о том, что эффективность борьбы с алкогольной преступностью напрямую зависит от перехода к инициативной модели оперативного поиска.

Ключевые слова: оперативно-розыскной процесс, оперативно-информационный поиск, оперативная проверка, выявление преступлений, аналитическое познание, алкогольная продукция, документирование; реализация результатов.

Abstract. The article examines the concept of crime detection in the field of illicit production and trafficking of ethyl alcohol, alcoholic, and alcoholcontaining products. Theoretical approaches to the concept of crime detection are analyzed within the framework of the theory of operational-search activity and the specifics of alcohol product circulation. The study determines the distinction between detection and the documentation and implementation of operational-search results, identifies the specifics of manifestation in crimes related to illicit alcohol trafficking, and establishes criteria for the completion of detection and its significance for the organization of further activities of operational units.

Relevance. The sphere of production and circulation of alcohol products is characterized by high latency and the use of legal forms of entrepreneurship to mask criminal schemes. In these conditions, traditional approaches to crime detection require a paradigm shift, moving the focus from reactive recording of facts to deep analytical cognition.

Goal. The goal is the theoretical and methodological substantiation of crime detection as an independent stage of the operational-search process and the disclosure of its specifics regarding the countering of illicit trafficking of ethyl alcohol and alcohol products.

Results. The article differentiates between the concepts of «detection-as-a-task» and «detection-as-a-stage,» defining the boundaries of the latter and the criteria for its completion. The author identifies specific markers of criminal activity – «economic anomalies» (technological, logistical, and digital discrepancies), the detection of which constitutes the content of analytical work at the initial stage of the operational-search process. The concept of an «operational filter» is substantiated, allowing for the optimization of law enforcement resources and the prevention of unjustified interference in legitimate entrepreneurial activity. It is concluded that the effectiveness of the fight against alcohol-related crime directly depends on the transition to a proactive model of operational search.

Keywords: operational-search process; operational-information search; operational check; crime detection; analytical cognition; alcohol products; documentation; implementation of results.

Для цитирования: Пантюхин К.Ю., Овечкин Е.В. Дифференциация выявления и документирования преступлений в сфере алкогольного рынка: методологические основания и практическая значимость // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 53–61.

For citation: Pantyukhin Konstantin Yu., Ovechkin Evgeny V. Differentiation of detection and documentation of crimes in the sphere of the alcohol market: methodological foundations and practical significance // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 53–61.

Введение. Выявление преступлений в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции выступает самостоятельным и логически первичным элементом оперативно-розыскной деятельности (далее также – ОРД), ориентированным на обнаружение признаков противоправного поведения и формирование оснований для последующего документирования и реализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Теоретическое осмысление выявления приобретает особую значимость применительно к данной сфере в силу высокой латентности соответствующих преступлений, их, как правило, организованного характера, а также

использования многоуровневых механизмов конспирации, затрудняющих обнаружение противоправной деятельности традиционными правоприменительными средствами [1].

Обоснование и обсуждение. В рамках теоретического анализа проблемы дифференцируем выявление преступлений в двух аспектах. Рассмотрим его как задачу и как самостоятельную форму оперативно-розыскной деятельности. Если в первом случае выявление пронизывает все этапы ОРД (включая документирование и реализацию), выступая постоянным инструментом познания новых эпизодов преступлений, то во втором оно представляет собой строго начальный этап. Выявление, как форма оперативно-розыскной деятельности ограничивается временными и целевыми рамками: от момента получения первичных сигналов об аномалиях в обороте алкогольной продукции до формирования устойчивой оперативной версии.

В теории оперативно-розыскной деятельности выявление традиционно определяется как деятельность по обнаружению фактов, событий и лиц, представляющих оперативный интерес для правоохранительных органов. Подобный подход, получивший широкое распространение в научной литературе, отражает исходное, сигнальное значение выявления в системе ОРД, однако применительно к преступлениям в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции он представляется недостаточным. В условиях высокой латентности и устойчивого многоэпизодного характера противоправной деятельности выявление не может сводиться к фиксации отдельного противоправного факта, а должно рассматриваться как процесс оперативного познания, в рамках которого формируется целостное представление о характере, структуре, механизмах функционирования и масштабах преступной деятельности [2].

Выявление рассматриваемых преступлений находит свое отражение в оперативно-информационном поиске, где информационные возможности используются не только в ходе анализа процессов, происходящих в различных сферах реальной и теневой экономики, выявления лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, как первичной формы оперативно-розыскной деятельности, но также успешно реализуются в дальнейшем документировании преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции. Обнаружение лиц и фактов, представляющих оперативный интерес по преступлениям в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, требует дальнейшей оперативной проверки. При осуществлении оперативной проверки первичных сведений считаем важным использовать любую законную возможность ускорить процесс получения необходимой информации, обеспечив конспиративность проводимых при этом мероприятий. Особого внимания заслуживает ряд требований, которые, по нашему мнению, являются основообразующими – это объективность, конспиративность, динамичность оперативной проверки. Это является актуальным для содержательных элементов выявления рассматриваемых преступлений.

С научной точки зрения выявление сведений о признаках преступлений целесообразно рассматривать как содержание информационно-оперативного поиска и оперативной проверки, предшествующих документированию и реализации результатов оперативно-розыскной деятельности, но не тождественную им. Выявление ориентировано на установление признаков противоправной деятельности, их первичную оценку, а также на формирование оперативных версий, в то время как документирование предполагает целенаправленную фиксацию сведений и данных, обладающих потенциальной доказательственной значимостью. Реализация же результатов оперативно-розыскной деятельности связана с процессуальным использованием полученной информации в рамках уголовного судопроизводства, включая ее трансформацию в доказательства в порядке, установленном

уголовно-процессуальным законом. Такое разграничение позволяет рассматривать выявление не как вспомогательный или подготовительный этап, а как самостоятельный элемент системы ОРД, обладающий собственными задачами, методами и критериями эффективности.

Недооценка значения выявления преступлений либо ее формализация на практике нередко приводит к существенным тактическим и процессуальным издержкам. Преждевременное возбуждение уголовного дела при отсутствии достаточной оперативной проработки криминальной ситуации ограничивает возможности негласного получения информации, ускоряет адаптацию участников преступной деятельности к условиям противодействия и способствует утрате оперативной инициативы.

Преждевременный переход к реализации материалов нередко ведет к тактическому поражению. Это позволяет организаторам теневых схем незаконного оборота алкогольной продукции оперативно уничтожить доказательства, сменить юридические лица или переместить производственные мощности. Эффективная организация выявления предполагает выдерживание «оперативной паузы» – периода, необходимого для накопления критической массы данных о всей структуре преступного сообщества, а не об одном его звене.

В то же время затягивание выявления при наличии устойчивых признаков противоправной деятельности может повлечь утрату значимых следов преступления и затруднить последующее документирование. Указанные обстоятельства подтверждают, что выявление требует не только своевременности, но и качественной аналитической оценки получаемых сведений, соразмерной уровню латентности и организованности преступной деятельности [3].

Специфика выявления преступлений в сфере незаконного производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции обусловлена сочетанием экономических, организационных и криминалистических факторов. Противоправная деятельность в данной сфере, как правило, носит устойчивый, многоэпизодный и замаскированный характер, а ее внешние проявления часто имитируют законную хозяйственную деятельность. Использование зарегистрированных юридических лиц, арендованных производственных помещений, формально легальных логистических каналов и финансовых инструментов существенно затрудняет обнаружение преступных признаков на ранней стадии. В этих условиях информационная готовность результатов оперативно-розыскной деятельности, предполагающая углубленный анализ не отдельных фактов, а совокупности взаимосвязанных сведений, выявляющих системные несоответствия в деятельности хозяйствующих субъектов, становится необходимым условием их последующего представления в уголовное судопроизводство [4].

Специфика здесь заключается в использовании «прерванной логистики», когда товар по документам следует в адрес фиктивного контрагента в отдаленный регион, но фактически разгружается на промежуточных складах. Для оперативного подразделения при осуществлении информационно-оперативного поиска это означает необходимость перехода от проверки товарно-транспортных накладных к анализу геолокационных данных транспорта и сопоставлению времени в пути с реальными маршрутами. Именно на выявлении таких логистических разрывов строится современная модель обнаружения каналов сбыта контрафакта [5].

В современных условиях такие несоответствия приобретают вид цифровых и документальных аномалий. В частности, выявление должно быть ориентировано на обнаружение несоответствия между данными Единой государственной автоматизированной информационной системы (далее – ЕГАИС) и фактическими производственными мощностями предприятия, функционирующими в реальном секторе экономики. К специфическим признакам (маркерам) незаконного производства следует относить: резкое сокращение

выхода барды (отхода производства) при сохранении объемов закупки зернового сырья, а также повышенное использование электроэнергии и водных ресурсов в ночное время на объектах, официально работающих в одну смену. Подобные «технологические аномалии» выступают первичным сигналом, указывающим на наличие скрытого производственного цикла [6].

В этих условиях выявление ориентировано не на установление единичного факта незаконного производства либо сбыта алкогольной продукции, а на обнаружение устойчивых криминально значимых признаков: несоразмерности объемов закупаемого сырья и реализуемой продукции, аномалий в финансово-хозяйственных операциях, нехарактерной логистической активности, а также повторяемости действий, свидетельствующих о наличии организованной схемы. Именно в ходе оперативно-информационного поиска и оперативной проверки происходит выявление преступлений, формируются первоначальные версии о структуре противоправной деятельности, распределении ролей между ее участниками и возможных каналах легализации доходов, что в дальнейшем определяет направление и объем документирования [7].

В отличие от документирования преступной деятельности, направленного на закрепление доказательно значимой информации и придание ей процессуальной перспективы, выявление носит преимущественно поисково-аналитический характер. Его результатом является не доказательство как таковое, а оперативно значимое знание, позволяющее обоснованно судить о наличии противоправной деятельности, ее устойчивости и общественной опасности. Как справедливо отмечается в теории оперативно-розыскной деятельности, смешение выявления и документирования приводит к преждевременной фиксации разрозненных фактов, не образующих целостной картины преступной деятельности, что негативно сказывается на эффективности последующей реализации результатов ОРД [8].

Ключевое отличие выявления от документирования в сфере оборота этилового спирта заключается в направлении познавательной деятельности. На стадии выявления доминируют поиск и анализ хозяйственных аномалий (например, необъяснимый рост энергопотребления на законсервированном заводе или нестыковки в системе ЕГАИС), результатом которых является гипотеза о совершаемом преступлении. Документирование же носит процессуально-ориентированный характер и направлено на легализацию уже обнаруженных признаков, превращая «оперативную информацию» в «результаты ОРД», пригодные для уголовного процесса.

Рассматривая выявление преступлений через призму стадий оперативно-розыскного процесса, следует подчеркнуть, что оно представляет собой особую форму целенаправленного познавательного процесса, осуществляемого в условиях неполноты, фрагментарности и вероятностного характера информации. Для преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции это обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку оперативные подразделения сталкиваются не с очевидными признаками преступления, а с внешне легитимной деятельностью, в которой криминально значимые элементы маскируются под обычные хозяйственные операции. В результате выявление приобретает характер многоэтапного аналитического процесса, включающего выдвижение и проверку оперативных версий, сопоставление разнородных источников информации и выявление скрытых причинно-следственных связей [1].

Существенное значение для теории и практики оперативно-розыскной деятельности имеет вопрос о критериях завершенности выявления преступлений и допустимости перехода к документированию. В научных работах справедливо подчеркивается, что

выявление не может рассматриваться как формально оконченный этап с жестко заданными временными или количественными параметрами, однако оно должно завершаться формированием устойчивого комплекса оперативных признаков, свидетельствующих о системном характере противоправной деятельности. Иными словами, основанием для перехода к документированию выступает не отдельный факт правонарушения, а подтвержденная совокупность данных, указывающих на наличие преступного механизма и его ключевых элементов [2, с. 28–35].

В сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции формирование указанных критериев осложняется тем, что преступная деятельность, как правило, осуществляется под прикрытием легальных форм предпринимательства и сопровождается соблюдением внешних требований финансовой, налоговой и бухгалтерской отчетности. В таких условиях выявление ориентировано не столько на фиксацию прямых нарушений уголовного закона, сколько на обнаружение устойчивых аномалий в хозяйственной, логистической и организационной деятельности субъектов, не объяснимых с позиций добросовестного предпринимательства. Именно совокупность подобных аномалий – несоразмерность объемов производства и закупок сырья, несоответствие логистических маршрутов, нетипичное движение денежных средств – образует основу для вывода о наличии криминального содержания деятельности.

Критерием завершенности выявления следует считать достижение такого уровня «оперативно значимого знания», при котором неопределенность относительно события преступления устранена. Для сферы незаконного оборота алкоголя этот порог характеризуется переходом от фиксации единичного факта реализации продукции без маркировки к установлению звеньев криминальной цепи (поставщик – склад – точка сбыта). Преждевременный переход к документированию на этапе выявления лишь одного факта продажи зачастую ведет к утрате возможности ликвидации всей теневой структуры.

Качество и глубина выявления преступлений напрямую определяют эффективность последующей реализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Недостаточная проработанность выявления нередко приводит к ситуации, при которой полученные оперативные материалы формально соответствуют требованиям закона, но не обеспечивают возможности их устойчивого использования в уголовном судопроизводстве. В этом смысле выявление выполняет функцию своеобразного «оперативного фильтра», позволяющего отсеивать случайные, эпизодические и не имеющие уголовно-правовой перспективы факты, сосредотачивая усилия оперативных подразделений на действительно общественно опасных формах преступной деятельности [9].

В данном контексте выявление выполняет роль интеллектуального фильтра, минимизирующего риск необоснованного вовлечения правоохранительных органов в гражданско-правовые споры хозяйствующих субъектов. Отсеивание случайных эпизодов на этапе аналитической проверки позволяет избежать распыления сил и средств на документирование малозначимых правонарушений, не имеющих судебной перспективы. Это особенно актуально для алкогольного рынка, где технические ошибки в отчетности ЕГАИС без глубокой предварительной проработки могут быть ошибочно приняты за преступный умысел. Таким образом, качество выявления прямо связано с законностью последующего вмешательства в предпринимательскую среду.

Выявление преступлений в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции не может рассматриваться как исключительно реактивная деятельность, осуществляемая лишь в ответ на поступающие сигналы, заявления либо материалы контрольных органов. Напротив, в условиях высокой латентности и организованного характера незаконного оборота алкогольной продукции, выявление приобретает выраженный инициативный характер и основывается на прогнозировании криминальных рисков, анализе

тенденций развития нелегального рынка и выявлении наиболее уязвимых звеньев преступных схем [4].

Инициативное выявление предполагает переход от фиксации уже совершенных противоправных деяний к выявлению условий, предпосылок и механизмов, способствующих функционированию нелегального оборота алкогольной продукции. Такой подход в данной сфере требует объединения оперативной аналитики с данными о потребительском спросе в конкретных населенных пунктах или районах. Так, появление на рынке значительных партий алкоголя по цене, ниже минимально установленной государством, при отсутствии официальных отгрузок от крупных поставщиков в данный район является основанием для запуска стадии оперативной проверки. Это позволяет сместить фокус с пассивного ожидания заявлений на упреждающее выявление теневых сетей.

В этом контексте особое значение приобретает оперативное прогнозирование, основанное на анализе динамики потребительского спроса, изменений в нормативно-правовом регулировании алкогольного рынка, а также адаптации преступных групп к мерам государственного контроля. Такой подход позволяет заблаговременно выявлять новые формы и способы противоправной деятельности, еще до их широкого распространения [10].

Реализация инициативного подхода к выявлению невозможна без развитой аналитической составляющей оперативно-разыскной деятельности. Анализ оперативной информации, поступающей из разнородных источников, позволяет выявлять скрытые связи между субъектами преступной деятельности, устанавливать повторяемость и устойчивость противоправных действий, а также формировать гипотезы о структуре и функциях отдельных элементов преступного механизма. При этом аналитическая работа не подменяет собой документирование, а служит его предпосылкой, определяя направления и пределы последующего целенаправленного сбора доказательственно значимой информации [7].

Практическая значимость инициативного выявления проявляется в возможности рационального распределения сил и средств оперативных подразделений, снижении риска необоснованного вмешательства в законную предпринимательскую деятельность и повышении устойчивости результатов последующей реализации материалов ОРД. В условиях ограниченности ресурсов именно качество выявления позволяет минимизировать случаи преждевременного документирования, не обеспеченного достаточной аналитической базой, а также избежать утраты значимой информации вследствие неверной оценки оперативной обстановки [3].

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, определяющих теоретическую и практическую значимость выявления преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции:

1. Выявление преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции следует рассматривать не только как задачу, но и как самостоятельную, инициативно осуществляемую форму ОРД. Она характеризуется переходом от вероятностного познания к формированию устойчивого оперативно значимого знания о наличии преступного механизма.

2. Специфика выявления преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции определяется обнаружением «скрытых аномалий» в легальной хозяйственной деятельности субъектов в сфере оборота алкогольной продукции. К ним относятся несоответствие объемов сырья и продукции, атипичная логистика и отклонения в финансовых операциях, не объяснимые с позиций добросовестного предпринимательства.

3. Доказано, что выявление выступает «оперативным фильтром», предотвращающим преждевременное документирование и необоснованное процессуальное вмешательство в экономическую деятельность. Критерием завершенности выявления преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции является подтвержденная совокупность данных о системности противоправных действий, а не фиксация единичного факта правонарушения.

4. Эффективность противодействия алкогольной преступности в современных условиях зависит от перехода к инициативной модели выявления. Она основывается на аналитическом прогнозировании криминальных рисков и выявлении условий, способствующих функционированию нелегальных рынков, еще до момента совершения тяжких преступлений [11].

Список используемой литературы

1. Вагин О.А., Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Королькова О.А., Нагиленко Б.Я., Овчинский А.С., Овчинский В.С., Овчинский С.С., Осипенко А.Л., Путова И.В., Синилов Г.К., Федоров А.В., Хромов И.Л., Черников В.В., Чечетин А.Е., Яблоков Н.П. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 120–130. MVQLXJ
2. Маркушин А.Г. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности и ее правовое регулирование. Н. Новгород, 1992. С. 20–35. 48 с.
3. Климов А.И. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел как процесс познания (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 12–25. ZKXYRF.
4. Семенчук В.В., Ларичев В.Д. К вопросу о формировании концепции допустимости представления результатов оперативно-розыскной деятельности // Lex russica. 2022. Т. 75. № 12. С. 63–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.063-076. EDN: XSFSTK.
5. Соромотина В.А., Титов П.М. Организация и актуальные вопросы по проведению оперативно-розыскных мероприятий и документированию реализации контрафактной алкогольной продукции // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 370–377. EDN: LBXFNT.
6. Флоря Д.Ф., Суханов И.И. Отдельные аспекты применения специальных познаний при выявлении и документировании преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 3(80). С. 118–121. EDN: UJSFTN.
7. Ватанен Т.В. Процесс познания как основа оперативно-розыскной деятельности // Актуальные исследования. 2021. № 21 (48). С. 35–38. EDN: ZTYQXJ.
8. Лапин Е.С. Оперативно-розыскная деятельность и оперативное познание: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 45–60. ISBN: 978-5-93295-611-3 EDN: QRMZRZ.
9. Лавров В. П. Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 85–90. EDN: WYMZTH.
10. Климов А.И., Тузов Л.Л., Сазонова Н.И. Методология теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Научный портал МВД России. 2009. № 1. С. 55–66. EDN: KATTHJ.
11. Толкачева, О. П., Сикорская Л. В. Организационно-правовые инструменты противодействия угрозам экономической безопасности страны в области производства и оборота алкогольной продукции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2024. № 2. С. 28–34. SWKIKQ.

References

1. Vagin O.A., Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Korolkova O.A., Nagilenko B.Ya., Ovchinsky A.S., Ovchinsky V.S., Ovchinsky S.S., Osipenko A.L., Putova I.V., Sinilov G.K., Fedorov A.V., Khromov I.L., Chernikov V.V., Chechetin A.E., Yablokov N.P. Theory of operational-search activity: textbook. 2nd ed., revised, and additional M.: INFRA-M, 2021. Pp. 120–130. MVQLXJ
2. Markushin A.G. Theoretical foundations of operational-search activity and its legal regulation. N. Novgorod, 1992. Pp. 20–35.
3. Klimov A.I. Operational-search activities of internal affairs bodies as a process of cognition (problems of theory and practice): author's abstract. dis. ... Doctor of Law. Moscow, 1995. Pp. 12–25. ZKXYRF.
4. Semenchuk V.V., Larichev V.D. On the issue of forming the concept of admissibility of presenting the results of operational-search activities // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 12. Pp. 63–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.063-076. EDN: XSFSTK.

5. Soromotina V.A., Titov P.M. Organization and current issues of conducting operational-search activities and documenting the sale of counterfeit alcoholic beverages // *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 2024. No. 32. Pp. 370–377. EDN: LBXFNT.
6. Florya D.F. Sukhanov I.I. Certain aspects of the application of special knowledge in identifying and documenting crimes in the sphere of illegal circulation of alcoholic beverages // *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2019. No. 3 (80). Pp. 118–121. EDN: UJSFTH.
7. Vatanen T.V. The process of cognition as the basis of operational-search activities // *Current research*. 2021. No. 21 (48). Pp. 35–38. EDN: ZTYQXJ.
8. Lapin E.S. Operational-search activity and operational knowledge: theory and practice. Moscow: Yurlitinform, 2010. Pp. 45–60. ISBN: 978-5-93295-611-3 EDN: QRMRZR.
9. Lavrov V.P. Specific forensic theories: current status and development trends. *Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2016. No. 3–2. Pp. 85–90. EDN: WYMZTH.
10. Klimov A.I., Tuzov L.L., Sazonova N.I. Methodology of the theory and practice of operational-search activity. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009. No. 1. Pp. 55–66. EDN: KATTHJ.
11. Tolkacheva O.P., Sikorskaya L. V. Organizational and legal instruments for countering threats to the country's economic security in the field of production and circulation of alcoholic beverages // *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*. 2024. No. 2. Pp. 28–34. SWKIKQ.

Миллюков Сергей Федорович

профессор кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена
доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербург
Российская Федерация

Milyukov Sergei F.

Professor of the Department of Criminal
Law The Herzen State Pedagogical
University of Russia,
Doctor of Law, Professor

St. Peterburg
Russian Federation

Статья поступила
в редакцию: 12.03.2026
принята к публикации
16.03.2026

✉ dikoeleSF@gmail.com
SPIN-код (РИНЦ) 5533-4761

УДК 343.33

**Отзыв официального оппонента на диссертацию
Советовой Марии Витальевны на тему «Реабилитация нацизма:
уголовно-правовой и криминологический аспекты», представленную
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки**

**Review by the official opponent of the dissertation
by Maria Vitalievna Sovetova on the topic "Rehabilitation of Nazism:
Criminal Law and Criminological Aspects," submitted for the degree
of Candidate of Law in specialty 5.1.4 Criminal Law**

Для цитирования: Миллюков С.Ф. Отзыв официального оппонента на диссертацию Советовой Марии Витальевны на тему «Реабилитация нацизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки // Научные исследования преступления и наказания. № 1 (5). 2026. С. 62–66.

For citation: Milyukov Sergei F. Review by the official opponent of the dissertation by Maria Vitalievna Sovetova on the topic "Rehabilitation of Nazism: Criminal Law and Criminological Aspects," submitted for the degree of Candidate of Law in specialty 5.1.4 Criminal Law // Scientific Crime and Punishment Research Journal. No 1 (5). 2026. P. 62–66.

В настоящее время российское общество и государство оказались в сложнейшей геополитической, военной, экономической и духовно-нравственной ситуации, сходной с кануном Второй мировой войны 1939–1945 гг. Но тогда политическому руководству страны удалось расколоть единый в своем антибольшевизме блок империалистических государств, избежать почти на два года втягивания Советского Союза в кровопролитную бойню, успев, хотя и не полностью, подготовить Красную Армию и военно-промышленный блок к затяжной широкомасштабной войне, в немалой степени задавить пронацистские силы внутри СССР.

Сейчас объединенный Запад во главе с США выступает единым фронтом, выбрав в качестве ударного кулака нацистский режим Украины, который в целом устоял после 3,5 лет непрерывных военных действий на территориях, веками принадлежавших нашей державе. Внутри России сформировалась пресловутая устойчивая «пятая колонна», которая продолжает оказывать разлагающее воздействие на умы молодого, среднего и даже старшего поколений, втягивая их в противоборство с властью и препятствуя мобилизации общества на борьбу с вооруженным противником.

В свете сказанного совершенно очевидна актуальность избранной соискателем темы научного исследования. Автору удалось обеспечить и должную научную новизну своей работы, прежде всего, за счет освещения криминологической составляющей проблемы (с. 6 и далее), а также выявления конструктивных недостатков статьи 354¹ УК РФ и разработки нормативно-технических путей их устранения (с. 11, 239–240 и др.).

Достоверность положений и выводов настоящей диссертации вытекает из разнообразной и репрезентативной эмпирической базы, включающей, помимо 140 решений судов первой и апелляционной инстанций, также результаты опроса следователей Следственного комитета Российской Федерации, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, обладающих релевантными для задач настоящего исследования экспертными знаниями (с. 10) и 50 научных и научно-педагогических работников, каждый из которых освещал в своих исследованиях «проблематику, отвечающую тематике настоящей работы» (с. 11).

Результаты исследования хорошо апробированы на представительных научно-практических конференциях, в том числе международного уровня (с. 18–19), а также отражены в 11 научных статьях общим объемом 5,25 п.л. (с. 30–32 автореферата). Они уже внедрены в образовательный процесс ряда вузов страны, а также Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева и практическую деятельность некоторых подразделений Следственного комитета Российской Федерации (с. 19).

Диссертация и ее автореферат, дающий адекватное представление о ее содержании и полученных результатах, написаны литературным языком и хорошо вычитаны. Убедительны и потому заслуживают поддержки большинство положений, непосредственно вынесенных на защиту, а также содержащихся в основной части диссертации.

Говоря более конкретно, остановимся на нижеследующем.

Мы разделяем высказанное мнение о том, что нацизм следует рассматривать «в качестве крайней разновидности фашизма» (с. 24), причем не только в качестве человеконенавистнической идеологии, но и как практики «претворения в жизнь составляющих его... парадигм» (с. 25). Неоспорима и роль получившей в 1991 году независимость Украины в возрождении нацизма в одеждах бандеровщины (с. 142–144). Как и в случае с культивированием гитлеровского нацизма, возвращение украинского национализма в крайних его формах (прежде всего, радикальной русофобии) является постоянной заботой западных империалистов, не желающих отказаться от идеи дальнейшего расчленения России и уничтожения уникальной евразийской цивилизации.

Автор справедливо указывает на ложные посылы «силлогизма о равной роли СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны», что «в значительной мере способствует оправданию нацизма и его реабилитации» (с. 28). Последняя же способна привести к развязыванию агрессивной войны (вооруженного конфликта) между государствами» (с. 41). Добавим от себя, что способность была реализована на территории Новороссии еще в 2014 году, а через восемь лет вылилась в широкомасштабные боевые действия, исход которых к настоящему времени пока не ясен.

В законопроектном блоке исследования привлекает внимание обоснованные суждения автора о реципировании в отечественное законодательство некоторых положений Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» 2021 года (с. 53); исключении «ч. 3 из статьи 354¹ УК РФ путем перемещения уголовно-правового запрета в иные главы уголовного закона» (с. 63); модернизации текста статьи 354¹ УК РФ (с. 85–89).

В криминологическом блоке настоящего труда обращает на себя внимание тот вопиющий факт, что приговор Нюрнбергского трибунала до сих пор «не обнародован

источниками официального опубликования, его также нельзя обнаружить и в российских справочно-правовых системах («Консультант Плюс», «Гарант» и др.), а «хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации оригинальные тексты приговора [...] впервые были опубликованы на русском языке в 2021 г. [...] тиражом в 1 000 экземпляров» (с. 119–120).

Не менее возмутителен факт злобного очернения фигуры величайшего советского полководца четырежды Героя Советского Союза маршала Г.К. Жукова, в котором решающую роль играли иностранные аккаунты, прежде всего, украинские (с. 137).

Эти обстоятельства объясняют «тренд снижения образованности молодежи в целом и исторической в частности», включая историю Великой Отечественной войны (с. 144). Однако приводимое здесь же высказывание экс-главы Рособнадзора, ныне министра просвещения России С.С. Кравцова о том, что во «многом такая ситуация связана с отсутствием современных методик преподавания, с недостатком программ подготовки учителей» выглядит, по меньшей мере, наивно. Утрата и искажение памяти о героическом прошлом нашей державы объясняется сочетанием глубинных объективных и субъективных факторов, действующих в России еще с конца 80-х годов прошлого века, приведших к крушению Советского Союза и возрождению низкопоклонства перед Западом, включая вскормленный им фашизм Муссолини и Гитлера (см. подробнее: Милюков С.Ф. Историческая амнезия у молодых и ее влияние на ход и предварительные итоги СВО // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи / под общ. ред. С.У. Дикаева СПб, 2025. С. 9–12) [1].

В диссертации достаточно основательно вскрыты детерминанты рассматриваемого и сопутствующих преступлений экстремистской направленности, включая их миграционную (с. 146–149) и идеологическую (с. 149–152) составляющие.

Вместе с тем настоящий труд, как и любое научное исследование сложной социально-политической, уголовно-правовой и криминологической проблемы, не свободен от некоторых спорных положений и недочетов. Остановимся на наиболее значимых из них.

1. Выше мы одобрили в целом предлагаемые в диссертации меры по реконструкции статьи 354¹ УК РФ. Однако они представляются все же недостаточными. По примеру законодательства Республики Беларусь (с. 52–53) в диспозиции части 1 этой статьи следует указать на приговоры национальных, военных и оккупационных трибуналов, причем основанных не только на приговоре Нюрнбергского военного трибунала, но и на актах Токийского и Хабаровского процессов над японскими военными преступниками, которые квалифицированно освещены в трудах другого официального оппонента – профессора А.В. Федорова.

2. Неоправданно мягкими, особенно исходя из фактов вскрывшихся злодеяний последователей нацизма (причем не только граждан Украины, но и предателей из числа россиян, а также фашиствующих наемников со всей планеты) представляются рекомендуемые в работе санкции обновленной статьи 354¹ УК РФ (с. 239–240). Целесообразно отнести преступные деяния, описанные в ее частях 1 и 2 к преступлениям средней тяжести, а части 3 – к тяжким.

3. Среди основных детерминант, порождающих реабилитацию нацизма в нашей стране и за рубежом, не названа роль агрессии в отношении России и ее блокады со стороны ведущих западных государств и их многочисленных сателлитов (т.н. желающих в различных регионах планеты).

Если их настойчивые попытки спасти режим Зеленского, «заморозив» боевые действия по линии боевого соприкосновения, увенчаются успехом, то это даст мощный толчок дальнейшему укреплению нацистской идеологии, насаждению профашистских порядков как на Украине, так и в странах Прибалтики, Польше, Румынии и неизбежно повлекут

новый поход Запада на Восток с целью окончательного решения «русского вопроса» в их пользу.

Этот мрачноватый для пацифистов прогноз подкрепляется, однако, приводимыми в работе данными Министерства иностранных дел Российской Федерации о голосовании в ООН по ежегодно вносимой Россией резолюции о борьбе с героизацией нацизма, неонацизма и другими подобными практиками. Если в 2014 году против проекта резолюции голосовало всего четыре государства (Канада, Палау, США и, впервые, Украина), то десять лет спустя – уже 54 (!) страны, среди которых Япония, Великобритания, Германия, Франция, Венгрия (с. 29), т.е. как раз те государства, которые вскормили фашизм Гитлера, Муссолини, Хорти, Антонеску, Петена, Тодзё и других главарей нацистских государственных формирований, пытавшихся уничтожить СССР (читай: Россию) в 1941–1945 гг.

4. Мы не нашли в тексте работы объяснения феномена интенсивного распространения реабилитации нацизма в Ивановской и Смоленской областях, «на каждую из которых приходится по 20 % от общего числа зарегистрированных [...] преступлений за последние пять лет в ЦФО» (с. 100).

Думается, что это объясняется не тем, что эти регионы являются сосредоточением лиц, приверженных идеологии и практике фашизма, а похвальной активностью правоохранительных органов названных областей в их выявлении. На это косвенно указывают расчеты латентности рассматриваемых деяний, когда количество однородных административных деликтов более чем в 40 (!) раз превышает показатели регистрируемых по статье 354¹ УК РФ преступлений (с. 108).

5. Следует, наконец, отметить некоторые юридико-технические погрешности, допущенные автором.

В предлагаемой им редакции статьи 354¹ УК РФ отягчающие и особо отягчающие обстоятельства заключены соответственно в частях, маркированных цифрами 21 и 31 (с. 239–240), тогда как такой прием используется законодателем преимущественно в тех случаях, когда он вводит новую часть при сохранении в тексте статьи прежней части (см., например, ч. 11, введенную в статью 210 УК РФ Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ).

Как и в ряде других известных нам исследований диссертационного уровня, большинство нормативных источников дано в их первоначальной редакции (с. 193–195). Получается, скажем, что статья 354¹ была в УК РФ уже в его редакции от 13 июня 1996 г., тогда как она появилась в нем спустя 18 лет.

Поэтому следует указывать редакцию таких источников, актуальную на момент окончания работы над текстом.

Отмеченные несовершенства – каждый в отдельности и все в совокупности – не препятствуют выводу о том, что диссертация Марии Витальевны Советовой на тему «Реабилитация нацизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты» является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение актуальной научной задачи, имеющей значение для развития некоторых разделов уголовного права и криминологии в их теоретическом и практическом преломлении. Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством и свидетельствует о весомом личном вкладе автора в юридическую науку по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Тем самым диссертация на тему «Реабилитация нацизма: уголовно-правовой и криминологический аспекты» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, предусмотренным разделом II Положения о

присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 16.10.2024 № 1382), а ее автор – Мария Витальевна Советова – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Список используемой литературы

1. Милуков С.Ф. Историческая амнезия у молодых и ее влияние на ход и предварительные итоги СВО // Сборник трудов конференции «Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи». Санкт-Петербург, 06 июня 2025 года. Из-во: ИП Сергеев Д.В., Санкт-Петербург. EDN: KUFRSS.

References

1. Milyukov S.F. Historical amnesia in young people and its impact on the course and preliminary results of juvenile delinquency // Collection of papers from the conference "Problems of preventing juvenile and youth crime." St. Petersburg, June 6, 2025. Publisher: IP Sergeev D.V., St. Petersburg. EDN: KUFRSS.